

Конспект лекций по катихизису

СОДЕРЖАНИЕ

Урок 7

3

Второй член Символа веры. Догмат о втором Лице Пресвятой Троицы. Его Божественное достоинство и человеческая природа. Пророческое первосвященническое и царское служение Иисуса Христа. Предвечное рождение Сына Божия. Значение слова «единосущный».

Урок 8

8

Третий член Символа веры. Цель сошествия Сына Божия с небес. Понятие о грехе, проклятии смерти. Первородный грех. Пророчества и прообразования о Спасителе. Учение о воплощении Сына Божия.

Урок 9

20

Значение слова «вочеловечшася». Учение о двух естествах и двух волях в Иисусе Христе. Учение Церкви о Божией Матери. Свидетели рождества Спасителя мира. Чудеса и учение Христа.

Урок 10

26

Четвертый член Символа веры. Причина осуждения Иисуса Христа на распятие. Цель страдания и смерти Спасителя. Гефсиманский сад. Суд первосвященников над Иисусом Христом. Предательство Петра. Понтий Пилат. Крестные страдания и смерть Иисуса Христа. Чудеса, сопровождавшие Его кончину. Избавление людей через смерть Спасителя от греха, проклятия и смерти. Смысл слов «Аз есмь путь и истина и живот». Житие прп. Антония Великого.

О ВТОРОМ ЧЛЕНЕ СИМВОЛА ВЕРЫ

УРОК 7

Значение имен «Сын Божий, Иисус Христос» в отношении ко второму Лицу Пресвятой Троицы. Время и причина наречения Ему последних имен. Пророческое, первосвященническое и царское достоинство Иисуса Христа. Значение слов «Господь», «Единородный», «Света от Света, Бога истинна от Бога истинна». Причина прибавления к Символу веры слова «не сотворенна». Значение слов «единосущна Отцу, Им же вся быша».

Второй член Символа веры начинается так: ***(Верую) И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век, Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша.***

В этом члене говорится о *втором* Лице Пресвятой Троицы, Сыне Божиим, о предвечном рождении Его от Бога Отца и единосущии с ним.

Имена Господа и Сына Божия указывают здесь на *Божественное* достоинство второго Лица Пресвятой Троицы, а имена Иисус Христос указывают на человеческую природу Его.

Имя *Иисус* значит *Спаситель*; оно дано было Сыну Божию Архангелом Гавриилом при рождении Его на земле по человечеству (Лк. 1,31). То же имя возведено было Ангелом во сне праведному Иосифу еще прежде рождения Иисуса Христа (Мф. 1,21) и вполне соответствует цели Его рождения, так как Он родился для спасения людей.

Имя *Христос* значит *Помазанник*.

В Ветхом Завете «*Христами*», т.е. помазанниками назывались *цари, первосвященники и пророки* потому, что при вступлении их на должность они помазывались елеем и чрез это получали дары Святого Духа, необходимые для достойного исполнения их обязанностей. Так, царям сообщался дар «силы» или могущества, первосвященникам – дар «святости», пророкам – дар учительства и предведения будущего. Все эти дары Святого Духа во всей полноте их сообщены были сыну Божию по человеческой Его природе.

Достоинство *пророческое, первосвященническое и царское* вполне принадлежали Иисусу Христу как Спасителю мира.

Именно *пророческое* достоинство Его состояло в том, что Он был великим *Учителем веры*: возвестил людям волю Божию и дал им совершеннейший закон веры и нравственности. *Первосвященническое* достоинство состояло в том, что Он Самого Себя принес в искупительную жертву за грехи людей. *Царское* достоинство состояло в том, что Он и по восприятию на Себя человеческой природы явился *Царем*, или победителем греха, смерти и диавола.

Эта победа обнаружилась еще во время земной жизни Иисуса Христа, когда Он воскрешал мертвых, изгонял бесов и творил множество других чудес. Но особенно ясно открылось царское достоинство Его в освобождении Им узников ада, в воскресении Его Самого из мертвых, вознесении на небо, сидении одесную Бога Отца.

Господом называется Иисус Христос во втором члене Символа веры в том смысле, что Он есть лицо *Божественное*, совершенно равное Богу Отцу и Святому Духу.

Имя «Господь» вполне может принадлежать только одному Богу как верховному Владыке всего существующего. Следовательно, в отношении к Иисусу Христу оно ясно указывает на Его Божественное достоинство.

О *Божестве* Иисуса Христа Евангелист Иоанн говорит: **В Начале бѣ Слово и Слово бѣ к Богу и Бог бѣ Слово**. Т.е. Слово было в начале (прежде всех веков и времен), было у Бога и само было Богом в том же смысле, как и Бог Отец. Под «Словом» здесь разумеется второе лицо Пресвятой Троицы, так как далее (в ст.14-й той же главы) приписывается сему Слову воплощение: **«Слово плоть бысть»**.

Кроме того, на Божественное Достоинство Иисуса Христа ясно указывается и в других местах Священного Писания. Так, Он прямо называется Богом (1 Тим. 3,16), Богом истинным (1Ин. 5,20), Богом великим (Тит. 2,13), Богом благословенным (Рим. 9,5), Господом и Богом (Ин. 20,28). Ему приписываются Божественные свойства, например, вечность (Ин. 1,1; 8,58; 17,5), всемогущество (Ин. 10, 27-30; 5,21), всеведение (Мф. 11,27; Ин. 10,15) и прочие Божественные действия, например, сотворение всего видимого и невидимого (Кол. 1,16), промышление о всем сотворенном (Евр. 1,3), суд над всем миром (Ин. 5,22 и 27) и проч.

Кроме того, Евангелист Иоанн прямо называет Иисуса Христа Сыном Божиим *Единородным*: **«Слово плоть бысть и вселися в ны, и видехом славу Его, славу яко Единороднаго от Отца, исполнь благодати и истины»** (1,14). И в другом смысле: **«Бога**

НИКТО ЖЕ ВИДЕ НИГДЕ ЖЕ: ЕДИНОРОДНЫЙ СЫН В ЛОНЕ ОТЧИ, ТОЙ ИСПОВЕДА» (1,18). «Слово» (т.е. Сын Божий) стало плотью (т.е. сделалось человеком) и обитало (т.е. жило) с нами, полное благодати и истины (т.е. Божественной силы и мудрости), и мы видели славу Его, славу как «Единородного от Отца» (ст.14). «Бога не видел никто никогда, Единородный Сын, сущий в недрах Отчем, Он явил» (ст.18), то есть Бога, в Его существе, никто из людей никогда не видел, только Единородный Сын Божий, как равный Богу Отцу по существу и образ Бога невидимого, пребывающий в недрах Бога Отца (т.е. очень близко к Отцу), открыл нам Его. Слово «лоно» собственно значит «пазуха» или «недра»: в приведенных словах о Сыне Божиим оно означает особенную близость Его к Богу Отцу, или равенство Ему по существу.

Единородным Сыном Божиим называется Иисус Христос потому, что Он один только есть Сын Божий, рожденный от Бога Отца по существу и единый Ему. Если же Ангелы и верующие из людей называются в Священном Писании сынами Божиими, то это название дается им только по *благодати* и *усыновлению* их Богом.

Слова Символа веры: *Иже от Отца рожденнаго прежде всех век* – указывают на *личное* достоинство второго Лица Пресвятой Троицы, именно на предвечное рождение Его от Бога Отца.

Слова: *Света от Света* – выражают некоторое *подобие* предвечного рождения Сына Божия от Бога Отца. Как солнце и свет, распространяющийся от него по всей вселенной, не могут быть отделены друг от друга и имеют одинаковые свойства, так и Бог Отец и предвечно рожденный от Него Сын Божий, по существу, не разделяются один от другого и имеют одинаковые Божеские свойства.

Слова: *Бога истинна от Бога истинна* – означают то, что Сын Божий есть такой же истинный Бог, что и первое Лицо Пресвятой Троицы – Бог Отец. Это ясно видно из следующих слов апостола Иоанна: **«Вемы, яко Сын Божий прииди и дал есть нам свет и разум, да познаем Бога истиннаго и да будем во истиннем Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и живот вечный»** (1 Ин. 5, 20). «Мы знаем, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум (т.е. просвещение и познание), да познаем Бога истинного и да будем в истинном Сыне Его Иисусе Христе. Сей есть истинный Бог и жизнь вечная». Здесь апостол прямо называет Бога Отца истинным Богом и Иисуса Христа – истинным Сыном Божиим и истинным Богом. Отсюда заимствованы в Символе веры слова: «Бога истинна от Бога истинна».

К слову *рожденна* прибавлено в Символе веры слово *не сотворенна*. Это прибавление сделано для опровержения ложного учения Ария, который утверждал, что Сын Божий не рожден, а сотворен от Бога.

Слова: *Единосуцна Отцу* – означают, что Сын Божий имеет одно существо с Богом Отцом. Об этом Сам Он говорит: «**Аз и Отец єдино єсма**» (Ин. 10,30). Т.е. «Я и Отец – одно». На то же единство Свое с Богом Отцом по Божеству указывал Иисус Христос и в других случаях. Так Он говорит: «**Вся, елика иматъ Отец, Моя сѹть**» (Ин. 16,15). Обращаясь в молитве к Богу Отцу, Он говорит: «**И Моя вся Твоя сѹть, и Твоя – Моя**» (Ин. 17,10).

Слова Символа веры: *Им же вся быша* – выражают то, что Сыном Божиим все существующее получило бытие. Так, Евангелист Иоанн говорит: «**Вся тем быша и без него ничто же бысть еже бысть**» (Ин. 1,3). «**Все прошло чрез Него, и без Него не начало быть ничто, что произошло**». На то же указывает апостол Павел: «**Тем создана быша всяческая, яже на небеси и яже на земли**» и проч. Отсюда видно, что Сыном Божиим, как лицом Божественным и Единосуцным Богу Отцу, сотворено было все существующее, как видимое, так и невидимое.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ К 7-МУ УРОКУ

1. Как понимать имена: **Иисус Христос, Сын Божий**?
2. Что значит имя **Иисус**? Кем оно наречено?
3. Что значит имя **Христос**? От чего произошло имя *Помазанник*? Один ли Иисус называется помазанником? Почему же Сын Божий называется помазанником?
4. В каком разуме Иисус Христос называется **Господом**? Что говорит Св. Писание о Божестве Иисуса Христа, Сына Божия?
5. Для чего Иисус Христос называется Сыном Божиим **Единородным**? Для чего в Символе веры о Сыне Божиим сказано еще, что Он **рожден от Отца**? И почему рожден **прежде всех век**?
6. Что значат в Символе веры слова: «**Света от Света**»? Какая сила в словах Символа веры: «**Бога истинна от Бога истинна**»? Откуда слова сии?
7. Зачем еще в Символе веры прибавлено, что Сын Божий **рожден, не сотворен**? Что значат слова: «**единосущна Отцу**»? Что показывают слова: «**Им же вся быша**»?

О ТРЕТЬЕМ ЧЛЕНЕ СИМВОЛА ВЕРЫ

УРОК 8

Объяснение сошествия Сына Божия с небес. Цель этого сошествия. Понятие о грехе. Следствие греха. Понятие о проклятии и смерти. Обещание Божие о Спасителе, данное первым людям. Пророчества, прообразования о Спасителе. Учение о воплощении Сына Божия.

Третий член Символа веры читается так: **(Верую в Господа) «Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечившагося».**

В этом члене говорится о **сошествии** Сына Божия с неба на землю и **воплощении** Его. Сошествие Сына Божия с неба нужно понимать в том смысле, что Он, не переставая быть Богом, воспринял на себя человеческую природу и, видимо, жил на земле между людьми.

Об этом говорит Сам Иисус Христос: **«Никто же взыде на небо, токмо сшедший с небесе Сын человеческий, сый на небеси»** (Ин. 3,13). **«Никто не восходил на небо, как только сшедший с небес Сын человеческий, сущий на небесах».** Т.е. сам собою, своею силою никто из людей не восходил на небо, кроме сшедшего с неба Сына Божия, родившегося на земле по человечеству и в то же время пребывающего на небесах по Божеству. Если же праведные Енох и пророк Илия взяты были живыми на небо, то они не сами по себе и не своею силою совершили это, а силою и волею Божественною.

Сын Божий сошел с небес **нас ради человек и нашего ради спасения**, т.е. для всех нас – людей, именно – чтобы спасти нас от греха, проклятия и смерти.

Грех есть преступление закона Божия, или **беззаконие** (1Ин. 3,4).

Хотя первые люди сотворены были от Бога безгрешными, но впоследствии грех явился между ними от диавола. Об этом говорит апостол Иоанн: **«Творяй грех от диавола есть, яко исперва диавол согрешает»** (1 Ин. 3,8).

Что первым виновником греха был диавол, это видно из самой истории падения первых людей. Будучи созданы Богом по образу и подобию Божию, они сначала были совершенно *невинны* и наслаждались полным блаженством. **Для испытания и укрепления их в добре** Бог дал им **заповедь**, именно запретил вкушать плодов «древа познания добра и зла» под опасением смерти. Но блаженству первых людей позавидовал диавол. Явившись в раю в виде змия, он посредством лжи и хитрости склонил Еву к нарушению заповеди Божией, убедил ее в том, что если они вкусят от запрещенного дерева, то будут вполне знать добро и зло и сами сделаются как *боги*. Прельстясь этим обещанием и вместе красотой плодов, Ева вкусила их, а Адам последовал ее примеру.

Возможность со стороны первых людей поступить против воли Божией и послушаться диавола зависела от того, что они имели свободную волю, и хотя, по своей природе, расположены были к добру, но могли уклониться от него и употребить во зло данную им свободу.

Свобода дана была от Бога человеку, как созданному по образу и подобию Божию; но как существу ограниченному, ему дана была и свобода «ограниченная», так что он мог и нарушить ее. Между тем, только при свободной воле человека могли иметь нравственное значение поступки его. Если бы Бог насильно удержал первых людей от нарушения данной им заповеди, то Он лишил бы их через это свободы, а без нее исполнение заповеди не могло иметь нравственного достоинства.

Последствием первого греха первых людей были совершенное **повреждение их природы** и вместе **проклятие и смерть** как в отношении к ним самим, так и в отношении к окружающему их миру и ко всему их потомству.

Это повреждение природы обнаружилось в помрачении **ума** и **сердца** первых людей и в повреждении их **воли**. Помрачение **ума** открылось в том, что Адам и Ева после грехопадения хотели укрыться от Бога, забывая о Его всеприсутствии. Расстройство **сердца** обнаружилось в том, что в них тотчас после падения явились стыд, страх и скорбь вместо прежней радости и блаженства. Повреждение **воли** обнаружилось в явившейся склонности к обману и запирательству: вместо чистосердечного раскаяния, они

старались оправдать себя перед Богом, слагая вину на других и даже на Самого Бога. Так Адам сказал Богу: «**Жена, которю Ты мне дал, она дала мне плод с этого дерева, и я ел**», а Ева сказала: «**Змий прельстил меня, и я ела**» (Быт. 3, 12-13).

Столь важными последствиями сопровождался первый грех потому, что он соединен был с прямым нарушением воли Божией, и чрез это отдалил человека от Бога и лишил его благодати Божией, как источника жизни и блаженства.

Проклятием называется *осуждение греха праведным судом Божиим*, по которому люди подверглись наказанию, и самая земля лишилась первоначального плодородия.

Именно: жену Бог осудил на подчинение мужу и на тяжкие скорби и болезни при рождении детей, так что самое благословение чадородия сделалось для нее источником страдания; муж осужден был на изнурительные труды для приобретения пропитания. Кроме того, оба они были изгнаны из рая и осуждены были на смерть. Змий как орудие искусителя подвергся проклятию Божью и осужден был на всю жизнь свою ползать на чреве и питаться прахом. Дьяволу Бог сказал, что власть его некогда будет совершенно сокрушена «**Семенем жены**». «**Вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и Семенем ея. Оно сотрет (т.е. сокрушит) твою главу, а ты ужалит его в пятку**» (т.е. причинит ему самый незначительный вред) (Быт. 3,14-16).

«**Проклята земля в делах твоих**», – сказал Бог Адаму после грехопадения (Быт. 3,17). Т.е., «*Через твои дела (т.е. нарушение заповеди) самая земля подвергается проклятию, т.е. лишается прежнего своего плодородия и изобилия, так что в поте лица твоего ты принужден будешь приобретать себе пропитание*».

Смерть произошла от первого греха двоякая: **телесная и душевная**; телесная состояла в разлучении души от тела и разрушении последнего, а душевная в разлучении души от Бога, т.е. в лишении благодати Божией и внутреннем мучении. Указание на эту двоякую смерть заключалось в самой угрозе Божией за нарушение заповеди: «**смертию умрети**».

Душа, как существо духовное, не может умирать и разрушаться подобно телу; она может только приходить в состояние сильной скорби, отчаяния и мучения, которое называется *смертью ее*.

От первых людей грех и все его последствия распространились на весь род человеческий путем естественного рождения. Так как все люди произошли от первого человека уже после падения его, то все они по самой природе сделались *грешными и смертными*. Это было неизбежно по самим законам природы. Как от зараженного и мутного источника всегда течет вредная и мутная вода, так и от первого человека, зараженного грехом и сделавшегося смертным, по необходимости, все люди стали рождаться грешными и смертными.

Об этом ясно говорит апостол Павел: **«Как одним человеком грех вошел в мир, и чрез грех смерть, так и смерть перешла во всех человеков, потому что в нем все согрешили»** (Рим. 5,12). Здесь под «одним человеком» разумеется первый человек, от которого произошли все люди и который был представителем всего человечества. Оттого *в нем* все люди, произошедшие от него, согрешили, т.е. пришли в греховное состояние. И так как неизбежным следствием греха была смерть, то и она перешла во всех людей, так что все стали рождаться смертными.

Здесь прямо указывается на *первородный грех*, который через первого человека вошел в мир и сделался причиною смертности всех людей.

Первородным грехом в отношении к прародителям называется нарушение ими заповеди Божией в раю и то греховное состояние, в какое они впали чрез этот грех, а в отношении к потомкам их – то греховное состояние, в каком рождается каждый человек. Некоторые под первородным грехом разумеют также и врожденную каждому человеку склонность ко греху. Но это есть уже следствие первородного греха, которое остается в человеке и после крещения его, тогда как первородный грех, или греховное состояние, в каком рождается каждый человек, омывается через крещение (см. «Православно-догматическое богословие» преосвящ. Макария, т. II, стр. 332).

Священное писание ясно указывает нам на нравственное повреждение человеческой природы, общее всем людям как следс-

твие первородного греха. Так, праведный Иов говорит: **«Кто чист будет от скверны? Никто же, аще и един день жития на земли»** (Иов. 14,4-5). Здесь под «скверною» разумеется нравственная нечистота. Это видно из 1-го стиха той же главы, где праведный Иов говорит, что еще в младенчестве человека заметны следы нравственного повреждения его, именно нередко у него является гнев. Равным образом Пророк Давид ясно выражает, что каждый человек получает греховное состояние с самого зачатия и рождения своего: **«Се бо в беззаконных зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя»** (Пс. 50,7). Родители царя Давида были люди благочестивые. Если же от благочестивых людей дети зачинаются и рождаются при грехах, то тем более это можно сказать о людях грешных.

Апостол Павел говорит: **«Все согрешиша и лишени суть славы Божией»** (Рим. 3,23). Другой апостол свидетельствует, что **«весь мир во зле лежит»** (1 Ин. 5,19).

Опыт также ясно говорит нам о всеобщем нравственном повреждении человеческой природы. Не было и нет ни одного человека, который бы не имел никакого греха. В каждом человеке часто происходит борьба между желанием добра и склонностью ко греху, и последняя часто одерживает верх. Притом, чтобы получить навык к добродетели, для этого необходимы со стороны человека долговременные подвиги и усилия, и напротив, привычка ко греху приобретает очень скоро и легко. Равным образом преодолеть какую-либо страсть чрезвычайно трудно человеку, тогда как лишиться добродетели очень легко. На основании столь ясных свидетельств Священного Писания и опыта все люди признаются причастными первородными греху. Один только Спаситель мира, как Богочеловек и как родившийся от наития Святого Духа, был чужд всякого греха. Но в римской Церкви недавно принято учение о том, что и Пресвятая Дева Мария в самом зачатии Ее не причастна первородному греху (*immaculata conceptio*). Такое учение не имеет никакого основания в Священном Писании. Пресвятая Дева родилась по законам естественного зачатия, чрез которое первородный грех переходит от Адама ко всем его потомкам. Следовательно, нельзя признать Ее зачатие чуждым первородного греха.

«Что такое сделалось с нами вследствие преступления прародительского?! Природа наша осталась та же, части и силы естества нашего остались те же, с теми же законами и требованиями.

Бог создал человека для блаженства, и именно в Нем, чрез живое с Ним общение. Для сего вдунул в лицо его дыхание Своей жизни, что есть дух, как

уже поминалось. Человеку даны в духе сознание и свобода, но не затем, чтоб он зазнался и своевольничал, а затем, чтоб, сознав, что все имеет от Бога и для того, чтоб жить в Боге, все свободно и сознательно направлял к сей единой цели. Когда он так бывает настроен, то в Боге пребывает и Бог в нем пребывает. Бог, пребывающий в человеке, дает духу его силу властвовать над душою и телом, а далее и над всем, что вне его; Таково и было первоначальное состояние человека. Бог являлся прародителям и подтвердил все сие Своим Божественным словом, наказав им Его Единого знать, Ему Единому служить, в воле Его Единого ходить. Чтоб они не запутались в соображениях, как все это выполнять, Он дал им небольшую заповедь: не вкушать плодов от одного дерева, названного Им древом познания добра и зла. Так и начали жить наши прародители и блаженствовали в раю.

Позавидовал им падший прежде того по гордости дух и сбил их с пути, наустив их преступить данную им небольшую заповедь тем, что обольстительно представил, будто со вкушением от запрещенного плода они вкусят такого блага, которого без того и вообразить не могут, – станут как боги. Они поверили – и вкусили. Дело вкушения, может быть, и не велико, но худо, что поверили, не зная кому. Может быть, и это не так бы было важно, если б не те страшно преступные мысли и чувства к Богу, какие, как яд, влил в них злой дух. Он наговорил им, что Бог запретил им вкушать от древа затем, чтоб и они не сделались богами. Этому поверили. Но поверив так, они не могли не принять хульных о Боге помышлений, будто Он завидует им и неблагоприятно к ним относится, а приняв такие помышления, не могли миновать и некоторых недобрых к Нему чувств и своевольных решений: так мы же сами возьмем то, до чего Ты не хочешь допустить нас. Так вот Он какой, засело у них в сердце о Боге, а мы думали, что Он такой благой. Ну, так мы сами себя устроим наперекор Ему. Вот эти-то мысли и чувства были страшно преступны! Они-то и означают явное отступление от Бога и враждебное восстание против Него.

У них внутри то же произошло, что приписывается злему духу: *выше облак поставлю престол мой и буду подобен Вышнему* – и это не как летучая мысль, а как враждебное решение. Так сознание зазналось и свобода воссвоевольничала, приняв на себя устройство своей участи. Отпадение от Бога совершилось полное с отвращением неким и враждебным восстанием против. За это и Бог отступил от таких преступников – и живой союз прерван. Бог везде есть и все содержит, но внутрь свободных тварей входит, когда они Ему себя предают. Когда же в себе самих заключаются, тогда Он не нарушает их самовластия, но, храня их и содержа, внутрь не входит. Так и прародители наши оставлены одни. Если б покаялись поскорее, может быть, Бог возвратился бы к ним, но они упорничали, и при явных обличениях ни Адам, ни Ева не сознались, что виноваты. Последовал суд и наказание изгнанием из рая. Тут опомнились, но уже было поздно. Надо было нести наложенное наказание, а за ними и всему роду нашему. Благодарение Всемилостивому Богу, что Он хоть отступил от нас, но не бросил, устроив предивный способ к воссоединению нас с Собою.

Что же произошло внутри человека? Вот что: дух был властен над душою и телом, потому что состоял в живом общении с Богом и от Него получал Бо-

жескую силу. Когда пресеклось живое общение с Богом, пресекся приток и Божеской силы. Дух, себе оставленный, не мог уже быть властителем души и тела, но был увлечен и сам завладел ими. Над человеком возобладала душевность, а чрез душевность – телесность, и стал он душевен и плотян. Дух хоть тот же, но без власти. Он заявляет свое существование то страхом Божиим, то тревогами совести, то недовольством ничем тварным; но его предъявлений не берут во внимание, а принимают только к сведению, всю заботу обращая на устройство своего быта здешнего, к чему и назначена душа, – и быта более вещественного, потому что здешняя жизнь посредствуется телом и что все телесное осязательнее и кажется нужнее.

Когда произошло такое низвращение порядка в соотношениях частей естества нашего, человек не мог уже видеть вещи в настоящем виде, не мог держать в должном порядке свои потребности, желания и чувства. Они пришли в смятение, и беспорядочность стала характеристической их чертой. Но это недоброе, конечно, состояние было бы еще сносно, если б не страсти, – а то страсти привзошли и тиранят человека. Смотрите, как рассердившего бьет гнев, как лихорадка. Как завистливого источила зависть, что посинел бедный. Как опечаленного иссушила скорбь, что он – кости и кожа. Таковы и все страсти. Вошли же они вместе с самостию. Как только произнеслось внутри праотца: так я сам, так самость внедрилась в него – сей яд и сие семя сатанинское. Из нее потом развилось все полчище страстей: гордость, зависть, ненависть, скорбь, уныние, любоимание и чувственность – со всеми их многочисленными и многообразными порождениями. Расплодившись внутри, они еще более возмущают и без них смятенное там состояние.

Так вот в чем болезнь. Дух зазнался и засвоевольничал. За это потерял власть и подпал под владычество души и тела и всего внешнего. Отсюда смятение душевно-телесных потребностей и желаний, и особенно их безмерность. Эту безмерность сообщает им от себя дух, ими поработанный. Сами по себе эти потребности мерны и не бурливы. То, что они меры не имеют и бурлят, – это оттого, что дух бушует в них, ибо у него по природе энергия безграничная. Отсюда обжорство, пьянство, копление денег... и прочее многое, чему меры не думает давать человек. Но главная болезнь – страсти, пришлые тираны.

Что нужно, чтоб все в нас поставили в прежний, первоначальный чин?

Как скатились мы под гору – обратно тому надо и восходить опять на гору. Как зашла болезнь – противоположно тому действуя, можно изгнать ее. Отпали от Бога – надобно воссоединиться с Ним. Отпали, усомнившись в слове Бога, – надо восставить полную веру сему слову. Потеряв веру Богу и в Бога, приняли мы пагубное решение *так я сам* – надо уничтожить это я сам. Когда образовалось это пагубное *я сам*, дух наш потерял свойственную ему силу властвовать над душою и телом и, напротив, сам подпал под иго рабства им – надо восстановить сию власть духа. Когда власть духа пресеклась, потребности души и тела разбрелись в разные стороны и в желаниях наших произошло смятение – надо все эти потребности опять привести к единству и установить в их чине взаимоподчинение. Вместе с пагубным *я сам* втеснилась в круг жизни нашей стая страстей, подобно диким зверям, терзающих нас, – надо изгнать сии страсти.

Видите, сколько надо. Уже по одному множеству и важности сего надобного можете заключить, что самим нам не сладить с этим единственно, однако ж, надобным для нас делом. Особенно же нельзя надеяться самим уладить это главнейшее наше дело, потому что первый пункт в нем, не установив которого, за другие и браться нечего, – именно воссоединение с Богом – никак не может состоять в нашей власти. Мы можем желать его и искать, но устроить его – дело не наших рук. Нечего нам ломать своей головы над тем, как воссоединиться с Богом. Сколько ни ломай, ничего не придумаешь; а скорее, если Богу угодно было установить закон и порядок сего воссоединения, поспеши приять его полною верою и воспользоваться им с теплою благодарностью. И благодарение человеколюбивому Богу, все уже для того совершено, установлено, растолковано! Принимай и пользуйся.

Для восстановления духа нашего и воссоединения его с Богом необходимо, чтобы Дух Божий нисходил в него и оживлял его. Чтобы открыть путь нисхождению Духа Божия, снисшел, воплотился, пострадал, умер на Кресте, воскрес и вознесся Единородный Сын Божий.

Как же Он совершает сие? Сочетавается с духом тех, кои веруют в Сына Божия, и, оживляя его, воссоединяет его с Богом. Сие именуется новым рождением от Бога, которое верующих делает чадами Божиими по благодати, как говорит святой Иоанн Евангелист: **«елицы... прияша Его, даде им власть чадом, Божиим быти, верующим во имя Его, иже не от крове... но от Бога родишася»** (Ин. 1,12-13). И стало законом духовной жизни о Христе Иисусе: **«аще кто не родится водою и Духом, не может внити во Царствие Божие; иже только рожденное от Духа дух есть»** (Ин. 3, 5-6).

Не извольте пытаться, почему нужно все сие для восстановления в нас истинной жизни, и примите и содержите то с простотою и искренностью детской веры. Станете пытаться – подойдет враг и, как некогда Еве, нашепчет вам соблазны и поколеблет веру, а чрез то лишит и плодов веры. Как тогда непонятно было, как от вкушения плода могли произойти такие следствия, однако ж, они произошли именно от сего вкушения, так теперь непонятно, чего ради надлежало Сыну Божию воплотиться и пострадать и потом, вознесшись, ниспослать Духа для восстановления нас, – и, однако ж, от искренней веры именно в такое устройство зависит наше восстановление, и все, которые принимали и принимают его с верою, восстанавливаются». (Феофан Затворник. Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться)

Первые люди, тотчас после своего падения, получили от Бога *надежду на спасение*.

Эта надежда состояла в том, что *Семя жены сотрет главу змия*, т.е. Спаситель мира, имеющий родиться от жены без мужа (обещанный Спаситель мира назван «Семенем жены», потому что Он родился на земле от жены без мужа), сокрушит власть диавола и избавит людей от греха, проклятия и смерти.

От этого обещания Божия ветхозаветные люди могли получать для себя большую пользу, потому что через веру в обещанного Спасителя мира они могли приобретать себе спасение подобно тому, как мы спасаемся чрез веру в пришедшего Спасителя.

Впрочем, большая часть людей древнего мира потеряли веру в истинного Бога и впали в идолопоклонство, а вместе с тем забыли обещание Божие о Спасителе. Только избранный Богом еврейский народ сохранял веру в Него, но и в этом народе Сам Бог употреблял особенные средства к сохранению этой веры. Такими средствами служили неоднократные повторения обещания Божия о *Спасителе, пророчества и прообраования*.

Повторения обещания Божия были Аврааму, Давиду и другим лицам. Так Аврааму Бог говорил: **«Чрез твоё Семя (т.е. твоего Потомка) получат благословение все народы земные»**. Что слово «Семя» означает именно определенное «лицо» в потомстве, это можно видеть из других мест Священного Писания. Так, Ева после рождения своего сына Сифа сказала: **«Бог дал мне семя (т.е. Сифа) другое вместо Авеля»** (Быт. 4,25). Апостол Павел, указывая на свое происхождение от Авраама, сказал: **«И я семя Авраамово»** (т.е. потомок Авраама) (2 Кор. 11,23). Таким образом, в словах, сказанных Богом Аврааму: **«Благословятся о семени твоём все языцы земные»** под семенем разумеется определенное «лицо», имевшее произойти от Авраама, и притом лицо «необыкновенное», так как чрез него обещано благословение Божие для всех народов земных, что могло быть сказано только о Спасителе мира. (Быт. 22,18).

Давиду сказано Богом: **«Я возставлю после тебя Семя твоё (т.е. Потомка твоего) и буду управлять престолом Его вечно»** (2 Цар. 7,12-13).

Здесь, очевидно, разумеется необыкновенный потомок Давида – Спаситель мира, имевший произойти от его рода, потому что Ему приписывается царство постоянное, «вечное». Кроме Авраама и Давида, иудейский царь Ахаз также удостоился получить от Бога, чрез пророка Исаию, обещание о Спасителе мира. **«Се дева во чреве зачнет и родит сына, и нарекут имя Ему Еммануил»** (т.е. с нами Бог) (Ис. 7,14). Здесь обещанный Спаситель мира, произошедший от рода Давида, уже прямо назван лицом «Божественным», имевшим родиться на земле по человечеству от Девы чистой, непорочной.

Из всех ветхозаветных *пророчеств* о Спасителе мира особенно замечательными были следующие:

Пророк *Исаия* предсказал, что Спаситель мира родится от Девы (7,14).

Пророк *Михей* предсказал, что он родится в *Вифлееме* (5, 2). «**И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше главных городов Иудиных, ибо из тебя произойдет Вождь, который упасет народ Мой Израиля**». Здесь под Вождем, спасающим народ Божий (т.е. верующих в истинного Бога), очевидно, разумеется Сын Божий, Спаситель мира.

Пророк *Малахия* при построении второго храма Иерусалимского предсказал, что обещанный Спаситель мира явится скоро, именно в *этом храме*, и что Ему будет предшествовать *Предтеча*, подобный пророку Илии (3, 1-5).

Пророк *Захария* предсказал торжественный вход Иисуса Христа в Иерусалим (9, 9).

Пророки *Исаия* и *Давид* с особенною ясностью предсказали страдания Спасителя за грехи мира (Ис. 53, Пс. 21).

Пророк *Даниил* определил самое время рождения Мессии, предсказал, что Он родится спустя 490 лет после возвращения Иудеев из плена вавилонского и что за Его смертью последует разрушение храма и Иерусалима и прекращение ветхозаветных жертв (Дан. 9, 24-27).

Из *прообразований* Ветхого Завета особенно были замечательны: *принесение Исаака в жертву*, служившее образом искупительной жертвы Спасителя мира; *видение Иаковом лестницы*, предвещавшей соединение Божества с человечеством в лице Искупителя и соединение неба с землею с Его пришествием. Кроме того, *исход Израильтян из Египта*, *пасхальный агнец*, чудесный *переход через Чермное море*, *вода из камня*, *манна*, *медный змий* – все это, по словам апостола, служило прообразованием в отношении Спасителя мира (1 Кор. 10, 1-5).

Так, исход Израильтян из Египта служил образом освобождения верующих во Христа от рабства греховного. Пасхальный агнец был образом Спасителя, принесшего Себя в жертву за грехи мира. Переход через Чермное море служил прообразом крещения. Вода из камня и манна служили образами духовной пищи, какую принес с неба на землю Спаситель мира, именно – Его Пречистого Тела и Крови (Ин. 6). Медный змий служил образом крестной смерти Спасителя. На это же указывали и все жертвоприношения.

Равным образом весь обрядовый закон *Моисеев* прообразовал события новозаветной Церкви – служил *тенью их* (Евр. 10,1).

Учение о **воплощении** Сына Божия особенно ясно выражено в словах Евангелиста Иоанна: **«Слово плоть бысть»** (Ин. 1,14), т.е. **«слово стало плотью»**, – сделалось человеком.

А Евангелист Лука, излагая историю благовещения Божией Матери, ясно свидетельствует о сверхъестественном зачатии Ею Сына Божия. Когда Пресвятая Дева спросила Архангела, возвестившего Ей о зачатии: **«Како будет сие, идеже мужа не знаю»**, он ответил Ей: **«Дух Святыи найдет на Тя, и сила Вышняго осениит Тя: тем же и раждаемое свято наречется Сын Божий»** (Лк. 1,34-35). И так как зачатие и рождение Пресвятою Девою Сына Божия было совершенно чуждо всякого греха, то оно вместе было **«безболезненно»**, потому что болезни рождения определены были Богом в наказание за грехи (См. св. Иоанна Дамаскина, кн.4, гл.4, ст. 6).

«Обручение же было охранением Девы... Она зачала Сына Божия вследствие благоизволения Отца и содействия Святаго Духа... Но рождение было безболезненным по причине чистоты и непорочности Девы Марии. **«Прежде неже чревополети ей, роди. Прежде неже принти труду, чревополения избеже, и породити мужеск пол»** (Ис. 66,7). Зачатие произошло, конечно, через слух, а рождение чрез обыкновенное место для выхода тех, которые рождаются, хотя некоторые рассказывают баснословно, что Он был рожден через бок Богоматери. Ибо для Него не невозможно было и пройти чрез *врата*, и не повредить печатей их» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение Православной веры. М, 1992, стр. 301-302).

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ К 8-му УРОКУ

1. О ком сказано в Символе веры, что **сшел с небес**? Как Он сшел с небес, когда Он, как Бог вездесущ? Как говорит об этом Св. Писание?
2. Для чего Сын Божий сшел с небес? В какой силе сказано, что Сын Божий сшел с неба **«нас ради человек»**? Отчего именно **спасти человеков** пришел на землю Сын Божий?
3. Что такое **грех**? Откуда грех в человеке, если он сотворен по образу Божию? Как грех перешел от диавола к человеку? Какую заповедь преступил человек? Как могли Адам и Ева послушаться диавола вопреки **воле Божией**?
4. Что произошло от греха Адама? Что такое **проклятие**? Какая смерть произошла от греха Адамова?
5. Почему умерли не одни первые люди, но и все умирают? Как говорит об этом Св. Писание? Что такое **первородный грех**?
6. Оставалась ли тогда надежда на спасение для человека? Почему Христос назван *семенем Жены*? Действительно ли верили люди древних времен в грядущего Спасителя? Повторял ли Бог обещание о Спасителе? Какие прообразы грядущего Спасителя можно найти в Ветхом Завете?
7. Что разумеется под словом **«воплощение»**? Откуда заимствовано это слово?

О ТРЕТЬЕМ ЧЛЕНЕ СИМВОЛА ВЕРЫ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

УРОК 9

Причина прибавления слова «вочеловечшася». Два естества в Иисусе Христе и две воли. О земной жизни Богородицы. Учение Церкви о достоинстве Божией Матери. О тех, кто признал Иисуса Христа, когда Он родился на земле. Чудеса и учение Христа. Условия, при которых могут быть спасительны для нас учение и жизнь Иисуса Христа.

Слово *вочеловечшася* прибавлено в Символ веры для того, чтобы показать, что Иисус Христос был совершенным человеком, то есть имел не только тело, но и душу человеческую, со всеми ее свойствами, кроме греха. Слово «вочеловечшася» направлено против лжеучителей 1-го века «докетов», которые думали, что Сын Божий имел только «кажущееся» или «призрачное» тело человеческое, а не действительное, и против лжеучителей 4-го века «апполлинариан», утверждающих, что Иисус Христос не имел души человеческой, вместо которой у Него было Божество.

Об этом ясно говорит апостол Павел: «**Един ходатай Бога и человеков человек Христос Иисус**» (1 Тим. 2,5). Здесь Иисус Христос прямо называется «человеком»; следовательно, Он имел не только тело человеческое, но и душу, или был совершенным человеком.

Потому в Иисусе Христе необходимо признавать *два естества: Божественное и человеческое*. «Естество» значит «природа», природные свойства. Иисус Христос имел от рождения свойства и Божественные и человеческие. Божественные свойства в Нем были: вечность, всемогущество, всеведение и проч.; человеческие свойства: ощущение голода и жажды, необходимость во сне, ощущение скорби и страданий и сама смерть. Следовательно, в Нем были две природы: Божественная и человеческая. На это указывает самое имя – *Богочеловек*. Это имя еще пророком Исаией предсказано было о Сыне Божиим, родившемся на земле от Девы и соединившем в Своем лице человеческую природу с Божественною (Ис. 7,14). Лжеучители 5-го века, отвергшие эту истину, назывались «монофизитами», они признавали в Иисусе Христе только одно «Божеское» естество и осуждены были на 4-м Вселенском соборе.

Равным образом, соответственно двум естествам, в Нем были и две воли: Божественная и человеческая. И эта истина была отвергаема лжеучителями 7-го века «монофелитами», признававшими в Иисусе Христе одну Божественную волю. Их лжеучение опровергнуто было на 6-м Вселенском соборе.

Человеческую природу Сын Божий воспринял от Пресвятой Девы Марии. Она была Дочь праведных *Иоакима и Анны*, происходивших из *царского* рода Давида, но живших в неизвестности.

Праведные Иоаким и Анна называются «Богоотцами», так как от их Дочери воспринял человеческую природу Сын Божий. Священное писание не сообщает нам подробных сведений о жизни их; эти сведения заимствуются из предания св. Церкви. Именно предание говорит, что Иоаким и Анна, хотя и были происхождения царского, но жили в неизвестности. Отличаясь высокой праведностью, они не имели детей, что у иудеев считалось наказанием Божиим и подвергалось общему презрению. Праведные Иоаким и Анна часто обращались к Богу с усердной молитвою о разрешении их неплодства. И когда однажды, во время глубокой старости их, в праздник обновления храма, первосвященник не допустил Иоакима до принесения жертвы за его бесчадие, а один из иудеев выразил при всех порицание ему за это, старец удалился в пустыню и начал пламенно, со слезами молить Бога о том, чтобы Он избавил его от поношения неплодства, обещаясь посвятить на служение Богу, если родится у него дитя. В то же время и Анна со всем усердием молилась об этом Богу. И молитва их была услышана: оба они удостоились явления Ангела, который возвестил им, что у них родится Дочь, по имени Мария. И действительно, 8-го сентября исполнилось это обещание – родилась Пресвятая Дева. И едва минуло Ей три года, благочестивые родители, согласно своим обещаниям и Ее желаниям, решились посвятить Ее на служение Богу. Созвав своих родных и подруг Пресвятой Девы, они торжественно ввели Ее в Храм Божий. Здесь встретил Ее первосвященник Захария и, по особому откровению Божию, к общему удивлению ввел Ее в «Святая Святых», куда сам первосвященник мог входить только однажды в год.

При Храме, где было несколько комнат особенных для дев и вдов, посвящавших себя на служению Богу, Пресвятая Дева в свободное от молитвы время занималась чтением Священного Писания и рукоделиями. Между тем самая пища приносима была Ей ежедневно Ангелом. Когда исполнилось Ей 14 лет, Она объявила первосвященнику о данном Ею обете навсегда остаться Девой. И так как родители Ее кончили жизнь вскоре после введения Ее во храм, а по закону Моисееву каждая дева должна была выйти замуж или обручиться кому-либо, то первосвященник, по особому указанию Божию, обручил Ее 80-летнему старцу – праведному Иосифу, происходившему из рода Давидова, но жившему в городе Назарет и занимавшемуся древоделием (или плотничеством). Сюда Пресвятая Дева переселилась из Иерусалима и вскоре здесь удос-

тоилась явления Архангела, возвестившего Ей о необыкновенном зачатии Ею Спасителя мира (см. «Жизнь Пресвятой Богородицы», 1860, С-Пб.).

Пресвятой Деве Марии св. Церковь приписывает наименования *Богородицы и Приснодевы*. И эти наименования вполне приличествуют Ей.

Первое приличествует Ей потому, что Сын Божий воспринял от Нее человеческую природу, не переставая быть *Богом*; второе вполне приличествует Ей, потому что Она и после рождения Сына Божия оставалась Девой так же, как она была *Девой* до зачатия и рождения Его.

На первое наименование есть указания в самом Священном Писании. Так Пророк Исаия говорит: «**Се Дева во чреве зачнет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил**» (7,14). Здесь пророк, называя Сына Пресвятой Девы «Еммануилом» или «Бог с нами», показывает чрез это, что Пресвятая Дева может быть называема и почитаема как «Богородица».

Праведная Елизавета, при встрече Пресвятой Девы, назвала Ее «Матерью Господа»: «**Откуда мне сие, да прииде Мати Господа ко мне**» (Лк. 1,43). А это название равносильно наименованию Богородицы.

Православная Церковь почитает Пресвятую Деву *выше* всех сотворенных существ, не только людей, но и Ангелов. Как Мать Сына Божия по человечеству, Она превосходит благодатью и близостью к Богу, а следовательно, и достоинством все прочие существа. И поэтому св. Церковь почитает Ее *выше Херувимов и Серафимов*. Это видно из священной песни в честь Божией Матери: «*Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога-Слова родшую, сущую Богородицу Тя величаем*».

После восприятия Сыном Божиим человеческой природы от Пресвятой Девы Марии, в это время, когда Иисус Христос родился и жил на земле, многие узнали в Нем Спасителя Мира по особенным обстоятельствам Его жизни.

Так волхвы узнали о Нем по явлению на востоке необыкновенной звезды. Так назывались персидские мудрецы, занимавшиеся астрономией и астрологией. Увидев необыкновенную звезду, они узнали по ее явлению о рождении Иисуса Христа и по направлению звезды прибыли

в Иерусалим, а потом в Вифлеем и здесь предложили свои дары новорожденному как Богу, царю и человеку.

Вифлеемские пастыри узнали о нем от Ангелов, которые прямо возвестили им, что в граде Давидовом родился Христос. Это было в ту самую ночь, в которую родился Спаситель мира, так что пастухи вифлеемские первые удостоились узнать о Его рождении от небесных вестников, воспевавших: *«Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение!»*

Праведные Симеон и Анна узнали Его по особенному откровению Божию, когда через 40 дней после рождения Он был принесен в храм.

Св. Иоанн Предтеча узнал о Нем во время крещения Его, по сошествию на Него Святого Духа в виде голубя и по гласу с неба: **«Сей есть Сын Мой возлюбленный, о Нем же благоволих»** (Мф. 3,17). Наконец, апостолы и многие другие узнали Его как Спасителя мира по многим чудесам Его и необыкновенной силе Его учения.

Учение Иисуса Христа возбуждало невольное удивление в слушателях (Мф. 7,28-29; 13,54), а чудеса творил Он Своей собственной Божественной силой и притом в таком количестве, в каком не совершал никто из пророков ни прежде, ни после Него. И Евангелисты описали в своих Евангелиях только особенно замечательные и наиболее известные чудеса, о прочих же делали одни общие замечания, не имея возможности подробно описывать их (Мф. 14,35-36; 15,30-31; 19,2).

Иисус Христос во время общественного служения Своего творил многие чудеса. Так, одним словом Своим или прикосновением руки Он исцелял больных, укрощал бурю, ходил по воде, несколько тысяч человек напичал в один раз пятью, а в другой семью хлебами, наконец, одним словом воскрешал мертвых, именно воскресил дочь Иаира, сына вдовы Наинской, и Лазаря уже на четвертый день после его смерти.

Учение Иисуса Христа состояло главным образом в проповеди о *царствии Божием* и о тех условиях, какие требовались и требуются от человека для вступления в это царство. Первые слова, которыми Иисус Христос начал свое учение, были следующие: **«Покайтесь, приблизится бо царствие небесное»** (Мф. 4,17). Потом Он учил о Самом Боге и отношении к Нему человека, о путях к блаженству и гибели, о загробной жизни и проч.

Самое спасение людей Он совершал Своим учением, жизнью и особенно крестной смертью и воскресением из мертвых.

Но учение Иисуса Христа бывает спасительно для нас только тогда, когда мы веруем в Него всем сердцем и стараемся следовать Ему в своей жизни. Как ложное слово диавола, обольстившего первых людей, сделалось началом греха и смерти, так истинное учение Христово, принимаемое верующими, становится в них началом святой бессмертной жизни. На это указывает апостол Петр, когда говорит, что верующие во Христа **«порождени не от семени истлenna, но неистлenna, словом живаго Бога и пребывающа во веки»**, т.е. возрождены не от тленного семени, но от нетленного, от Слова Божия, живого и пребывающего во веки (1 Пет. 1,23). Равным образом и жизнь Его бывает спасительна для нас только тогда, когда мы, по возможности, стараемся подражать Его жизни. Об этом Сам Он говорит: **«Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет»** (Ин. 12,26). Отсюда видно, что последующий Христу в своей жизни получит участие и в Его вечном царстве.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ К 9-му УРОКУ

1. Для чего в Символе веры прибавлено, что Сын Божий **вочеловечился**? Есть на это свидетельство Св. Писания?
2. Одно ли естество в Иисусе Христе? Одно ли лицо?
3. Как говорит Св. Писание о воплощении Сына Божия **от Духа Свята и Марии Девы**?
4. Кто была Дева Мария?
5. Пребыла ли действительно всегда Девою Пресвятая Мария? Каким еще великим наименованием чтит Пресвятую Деву Православная Церковь?
6. Что еще надлежит примечать о рождении Иисуса Христа от Пресвятой Богородицы?
7. По каким признакам можно было узнать родившегося Спасителя?
8. Какие чудеса творил Иисус Христос?
9. Каким образом Сын Божий совершил наше спасение? Какое было учение Христово? Каким образом оно бывает для нас спасительно?

О ЧЕТВЕРТОМ ЧЛЕНЕ СИМВОЛА ВЕРЫ

УРОК 10

Содержание этого члена. Причина осуждения Иисуса Христа на распятие. Пророчество Иакова и исполнение его. Цель страдания и смерти Спасителя. Понтийский Пилат. Почему его имя вошло в Символ веры. Значение слов «страдавшая и погребенная». Возможность и сила страданий Иисуса Христа при Его Божественном достоинстве. Крестная смерть Спасителя.

Четвертый член Символа веры начинается так: (Верую в Господа) *Распятого же за ны при Понтийстем Пилате и страдавшего, и погребенна.*

Здесь говорится о распятии, крестных страданиях, смерти и погребении Иисуса Христа.

Что Иисус Христос был осужден на распятие, несмотря на совершенную святость Его жизни, несмотря на множество чудес, совершенных Им, и необыкновенную силу Его учения, это объясняется завистью и ненавистью к Нему со стороны начальников иудейского народа. Завидуя славе Его учения и ненавидя Его за обличение их в ложном учении и незаконной жизни, они оклеветали Его. Именно оклеветали в том, что Он выдавал Себя за царя и Сына Божия. Последнее признано было богохульством, за которое следовала крестная казнь. И несмотря на явные лжесвидетельства врагов, Иисус Христос предан был крестной смерти.

Это несправедливое осуждение Иисуса Христа на крестную смерть было сделано с согласия римского правителя Иудеи, *Пилата*. О нем упомянуто в Символе веры для того, чтобы показать, что Иудея в то время уже не имела самостоятельных царей из рода *Иуды* и находилась под верховной властью язычников *Римлян*. Понтий Пилат, как сам был язычником, так и служил в Иудее представителем языческого римского императора, под властью которого находилась тогда Иудея. Что касается до царя иудейского Ирода Великого, при котором родился Иисус Христос, то он не был самостоятельным царем, а находился в зависимости от римского императора, притом был не из рода Иуды, а из языческого племени Идумеев.

Это обстоятельство важно в том отношении, что в нем можно видеть исполнение пророчества патриарха Иакова о Мессии: «**Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресл Его, дондеже не придут отложенная Ему: и Той чаяние языков**» (Быт. 49,10). «**Не отнимется скипетр (т.е. царская власть) от Иуды и законоположник (т.е. законодательная власть) от чресл его, пока не придет Примиритель, и Ему - покорность народов**». Эти слова означали то, что в народе, произошедшем от Иакова, не будет недостатка в князьях из рода Иуды и в вождях из его поколения, пока не придет Примиритель, Которому покорятся (в духовном отношении) все народы. Под Примирителем здесь, очевидно, разумеется обещанный Спаситель мира, в Которого впоследствии уверовали все народы. Незадолго до Его рождения на престол иудейский вступил Ирод, который первый из царей иудейских не был из рода Иуды. Это уже показывало, что наступило время явления на земле Спасителя мира. И Он действительно родился в Вифлееме, в царствовании Ирода Великого.

Слова Символа веры *страдавша и погребенна* показывают, что страдания и смерть Иисуса Христа происходили на *самом деле*, действительно, а не были одним только видом страданий и смерти, как думали некоторые лжеучители, например, *докеты*. Докеты, считая тело Иисуса Христа «призрачным», думали, что и страдания, и смерть Его были тоже «призрачны», а не действительны.

Впрочем, Иисус Христос страдал и умер не по Божеству Своему, а по человеческой природе, и при том совершенно *добровольно*. На это Сам Он указывает: «**Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее. Никто не отнимет ее у Меня, но Я сам отдаю ее. Имею власть отдать ее и власть опять принять ее**» (Ин. 10,17 и 18). Здесь под душою, очевидно, разумеется земная жизнь, которую Иисус Христос добровольно принес в жертву за людей и которую опять принял, воскресши из мертвых.

Целью страданий и смерти Иисуса Христа было спасение людей от греха, проклятия и смерти

Где же было начало крестных страданий Христа? Оно правосудием Божественным было разделено, по мнению многих святых отцов, на два: гефсиманское и голгофское. На Голгофе встретил Сына Че-

ловеческого крест, более внешний, ужасный сам по себе и окруженный всеми внешними ужасами, но открытый для взора всех, даже самих врагов Иисуса, потому долженствовавший быть перенесенным с видимым величием, подобающим Агнцу Божию на самом жертвеннике, не открывавший тех сторон искушения и страданий, перенесение коих, сопряженное с выражением немощи человеческой, не могло быть показано нечистому взору всех и каждого. И вот сей-то внутренний крест или, точнее, сия-то сокровеннейшая и, может быть, мучительнейшая половина креста встречает Божественного Крестоносца в уединении вертограда Гефсиманского и обрушивается на Него всюю тягостью своею до того, что заставляет преклониться к земле и вопиять: *«Если, возможно, да мимо идет чаша!»* – **На Голгофе страждущее тело приведет в страдание дух; здесь страждущий дух заставит капать кровавым потом пречистое тело.** Не препятствуемый нечистыми взорами человеческими Сын Человеческий как бы разоблачится здесь совершенно от всех сверхъестественных сил, останется с одною волею человеческою и, вооруженный одною молитвою и преданностью в волю Отца, изыдет, яко второй Адам, на борьбу с тягчайшим искушением.

Что же было в этой ужасной чаше и соделывало ее такой нестерпимой в настоящие минуты для самого Спасителя? Обыкновенный, естественный страх мучений и смерти? – Так обыкновенно думали и думают многие, но без основания твердого.

Если даже современный человек, «одетый в кожаные ризы», вследствие разрушенной грехом природы своей, способен чувствовать и переживать последствия своего греха, то каково же было Человеку чистому и совершенному ощущать грехи ВСЕГО человечества? Это был Крест Того, Кто не на словах только, а на самом деле принял на себя все грехи рода человеческого. Безмерно любящий Своего Отца, должен был по своей воле сделаться предметом Его гнева, самой клятвы законной (Гал. 3,13). Это было совмещение всех страданий и всех смертей всех людей. По словам апостола, Он должен быть искушенным по всяческому, приблизиться к последним пределам немощи человеческой и испытать ее...

Можно спросить, каким образом на сей час мужество уклонилось от души Иисусовой? Как Он мог умалиться в меру последнего страдальца? Почему же в Нем обнаружилась немощь естества человеческого столько, сколько могла обнаружиться без потери нравственной чистоты и достоинства? Очевидно, в этом было какое-то таинственное распоряжение.

В чем состояло сие таинственное распоряжение? – Первое, без сомнения, и паче всего **в сокрытии Божества от человечества**, в предоставлении последнему действовать одними своими силами. Мы услышим, как на кресте Божественный Страдалец будет молитвенно вопиять: *«Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил!»* – Что подобное оставление было и в Гефсиманском саду, о сем свидетельствуют уже слова: *«Не Моя, а Твоя воля да будет!»* Сын, *сый в лоне Отчи*, не сказал бы так Отцу; ибо Они *едино суть*: так мог говорить только Сын Человеческий. Свидетельствует и Ангел укрепляющий: не явился бы Ангел, если бы не оставил Отец. Но, поелику человеческая природа в Сыне Человеческом сама по себе была так чиста, свята и потому так сильна на все благое, так мужественна против всего злого, что в *естественном* своем *состоянии* могла сама по себе легко одержать победу над настоящим искушением без долгой и трудной борьбы, то продолжительность и лютость сей борьбы заставляет предполагать, что и по человеческому естеству великий Подвигположник в продолжение настоящего подвига, тайным предраспоряжением правосудия Небесного, выведен был из Своего естественного возвышенного состояния, низведен в состояние низшее, приведен в равенство с положением самого последнего из людей искушаемых. Каким образом? Это тайна Провидения!.. Мы не выйдем, однако же, из круга Евангельских указаний, если скажем, что в отягчение сего внутреннего креста, в усиление сего внутреннего огня искушений, по всей вероятности, дано было действовать как слуге (хотя он воображал себя господином) и князю мира, подобно как он действовал некогда на испытание добродетели Иова (Иов. 2,6). Ибо не мы ли слышали, как при конце вечери Божественный Страдалец сказал: *Грядет мира сего князь*; и после сего, можно сказать, прямо пошел навстречу ему? – Где было место этой таинственной встречи, как не здесь, в Гефсимании, и чем она могла выразиться славнее, как не таким подвигом?

Искушитель дошел, или паче, доведен в сем подвиге до последней степени истощения не телесного только, но и душевного. Слабость плоти вопиет: *«Аще возможно, да мимо идет чаша!»* – но преданность духа в волю Божию постоянно повторяет: *«Обаче не Моя, но Твоя воля да будет»*.

«Нигде, – признается блаженный Августин, – не поражает меня столько величие и святость Иисуса, как здесь, где многие ужасаются и недоумевают. Я не знал бы всей великости Его благодеяний, если бы Он не обнаружил предо мною, чего они стоят Ему... Иисус хотел научить нас, как побеждать страх смерти».

В самом деле, если бы мы не зрели нашего Спасителя в саду Гефсиманском, то могли бы подумать, что страдания для Него не стоили ничего или весьма мало. Но теперь мы видим капли кровавого пота, слышим вопли «да мимо идет чаша»; знаем, как она горька, и благоговеем пред Тем, Кто испил ее за нас.

Огражденные этими мыслями, дерзнем вступить теперь за Иисусом в вертоград Гефсиманский.

После трудов целого дня, после продолжительной беседы с учениками и некраткого путешествия из пасхальной горницы в Гефсиманию пред наступлением ужасных страданий некоторое успокоение было совершенно необходимо для Иисуса. Вертоград Гефсиманский представлял к тому все удобство и для того, по-видимому, был избран. Но не успокоение, а страдание ожидало здесь Сына Человеческого. Еще не быв предан врагам, среди учеников и друзей Своих, Он должен был претерпеть то, чему летописи страданий человеческих не представляют примера...

Внутренний сладчайший мир внезапно исчез; воображение устремилось в область мрачного и ужасного; Иисус начал скорбеть и тосковать!.. – Может быть, и внешние причины (истощение телесных сил, ночное путешествие чрез долину потока Кедрского и проч.) имели некоторое влияние на сию унылость духа; но главный источник ее сокрывался в самом духе Иисуса. Он был уверен, что теперь именно наступило предопределенное время принести эту жертву!..

Не находя к успокоению Своего духа средств в Самом Себе, Иисус обратился с молитвою к Отцу. Сказав ученикам (не более, сколько было нужно знать), чтобы они остались на известном месте (Мф. 26,36) и подождали его, пока Он помолится, Иисус пошел далее в глубину вертограда, пригласив следовать за Собою Петра, Иакова и Иоанна. **Быв свидетелями славы Его на Фаворе, ученики сии были способнее других видеть и уничижение Его в Гефсимании.** Между тем, близость трех чистых душ могла служить отрадою для Того, Кто из любви к человечеству шел на крест. **Еще отраднее была бы их молитва, если бы они могли молиться, подобно своему Учителю.**

Господь раскрыл пред учениками все сердце Свое. «**Душа Моя, – так говорил Он между прочим, – прискорвна до смерти! Побудьте здесь, вдите со Мною и молитесь!..**» Такой язык был совершенно нов и неожидан для учеников, кои привыкли видеть Учителя своего всегда мирным и благодушным. Не обнимая, однако же, мыслию всей важности настоящих минут, они не могли чувствовать и всей нужды в молитве: принялись за сие святое дело, но так, что Богочеловек вскоре ощутил, что и сие малое общество не соответствует состоянию Его духа, и, ос-

тавив учеников, углубился в чашу дерев, на вержение одного камня (не так далеко, чтобы ученики, при сиянии луны, не могли Его видеть). В сем-то уединении должна была окончательно решиться судьба человечества: как ему быть спасенным от греха и смерти: настоящим ли образом, то есть крестною смертью Богочеловека, или другими, недоведомыми путями, сокрытыми в бездне Премудрости Божией, – и притом в то ли самое время, когда совершилась тайна нашего искупления, или в другое, после?

Несмотря на молитвенное расположение духа Иисусова, скорбь и смущение усиливались более и более. Ко множеству мучительных чувств и мыслей, возникших в душе при появлении пред умственным взором ужасной чаши гнева Божия, грехов человеческих, проклятия и мучения, за ними следующих, к довершению искушения присоединилась живая, неотразимая мысль, что в безднах премудрости Божией есть средства ко спасению людей, не вознося на крест Сына; кольми паче есть средства отнять у сего креста хоть несколько его нестерпимой лютости (или отложить казнь сию на другое время)... Источник сей мысли был там же, откуда брали свое начало все прочие святые мысли и чувства Богочеловека – в Его беспредельном ведении всемогущества и премудрости Отца Небесного, в Его твердой уверенности, что Он всегда поступает со Своими чадами по закону свободной любви, исключаяющей всякую невольную необходимость. Глубочайшее смирение Богочеловека, не увлекаемого славою, имеющей последовать за Его страданиями, еще более усиливало мысль, что Отец может совершить Свое предопределение, так сказать, без Его – человеческого – содействия...

Смущенный, покрытый потом, Иисус падает на колени, повергается на землю и вопиет: **«Отче Мой, аще возможно (Тебе вся возможна суть), да мимо идет от Мене чаша сия, обаче не якоже Аз хочу, но якоже Ты: да будет воля Твоя!..»**

Ответа не было!.. Отец как бы не внимал Сыну! И душевное томление не прекращалось. Напротив, с пречистою душою начала страдать и чистейшая плоть. Великий Потомок Давида вошел в то состояние, когда Его праотец вопиял: **«Болезни адовы обыдоша мя»**.

В душевной скорби, как бы не внимаемый самим небом, Иисус прекращает молитву и идет к ученикам, дабы утешить Себя их присутствием и молитвою; но находит их спящими! Утружденная природа тем удобнее взяла верх над ними, что, несмотря на все предсказания Учителя, они все еще не имели ясного понятия о том, что имело случиться, представляя себе будущее в чертах, менее ужасных. Если бы они увидели крест Иисусов со всеми его ужасами, то, конечно, не предали бы

сну, столь безвременному. А мы часто предаемся сну, гораздо худшему, несмотря на то, что совершенно знаем, чего стоили наши грехи Сыну Божию.

Странно, однако же, было видеть, как сам Петр, за час пред тем обещавший положить душу за Учителя, не устоял против обыкновенной слабости. **«Симон, и ты спишь, – сказал Господь, – так ли вы не могли повдечь со Мною и одного часа? Бдите, – продолжал Господь, взглянув на двух прочих учеников, пробужденных Его приходом, – бдите и молитесь, да не внидете в напасть. Дух бодр, но плоть немощна».** Самый звук слов показывал, что они изливаются из растерзанного печалью сердца.

Удалившись от учеников, Он опять повергается на землю и погружается духом в молитву. Предмет ее был тот же самый, что и прежде, тот же и смысл; но в чувстве последовала уже значительная перемена. **«Отче, – молился Иисус, – аще не может чаша сия мимо ити от Мене, аще не пию ея: буди воля Твоя!»** (Мф. 26,42.) – Последовала, говорим, перемена: ибо уже не слышно прямой молитвы об удалении чаши страданий; преданность в волю Божию выражается живее и полнее, а собственное желание приметно слабеет и начинает разрешаться совершенно в безусловную покорность определениям небесным.

Но и сия молитва осталась без ответа! Для *Единородного от Отца* в нем не было нужды... Сын Человеческий должен был Сам изречь Себе ответ, вознесшись – чрез самоотвержение – до той высоты духа, того единения со Отцом, при коем исчезает всякое сомнение и даже прошение, остается единая святая воля Божия.

Изнемогающий под бременем внутреннего креста, Иисус опять идет к ученикам, все еще уповая, по чрезвычайному смирению Своему, найти Себе некое подкрепление и отраду в их молитве, – и опять находит их спящими!.. Надлежало, чтобы таинственная борьба нового Израиля с Богом совершена была без свидетелей. Тем менее было в ней места помощникам. **«Един истоптал точило гнева Божия, от язык не ве мужа со Мною!»** – так воспевал еще Исаия, провидя страдания Мессии.

Ученики пробудились, но одного взгляда на них достаточно было, чтобы почесть их совершенно неспособными к молитве. Евангелист Лука (22,45) замечает, что они спали от печали; а святой Марк (14,40) присовокупляет, что глаза у них отяжелели, и они не знали, что отвечать. Состояние сонного расслабления известно всякому по опыту, которое весьма трудно бывает преодолеть.

Оставив учеников, Иисус в третий раз обратился от земли к небу и, *будучи в борении*, по замечанию Евангелиста Луки, молился еще *при-*

лежнее (22, 24). Слова произнесены были те же, что и в другой раз, но чувство, без сомнения, было еще отличное. Дух человеческий не может долго колебаться между противоположными предметами, без уклонения на какую-либо сторону. Тем паче невозможно сие в такой молитве, какова была молитва Иисуса. **«Буди воля Твоя»**, – произнесенное в третий раз, уже было выражением решительной победы.

Но когда дух возмогал и укреплялся, плоть еще более ослабевала. Телесные силы Богочеловека пришли в такую борьбу и такое изнеможение, что томление, Им претерпеваемое, равнялось мучению человека, борющегося со смертью, а пот, коим оно сопровождалось, был, по словам Евангелиста Луки, как капли крови, падающей на землю; выражение, весьма много заключающее в себе, если принять его и в сравнительном значении, тем паче, если разуместь буквально, – о поте кровавом, примеры которого, хотя весьма немногие, есть в летописях страданий человеческих.

Теперь надлежало показать, что любовь Отца Небесного не попускает никому искушаться более, нежели, сколько могут перенести. И вот, вместо видимого ответа на молитву, предстал Ангел для укрепления Иисуса, перее всего в духе, но, без сомнения, касалось и телесных сил Богочеловека, и состояло в их умирении, оживлении и возвышении. Иисус укрепляется Ангелом! Какая бездна тайн заключается в сих немногих словах!

Искушение кончилось – совершенной уверенностью в благотворной необходимости креста со всеми его ужасами. После чего Богочеловек снова воспринял ту твердость духа, которая отличала Его во всю жизнь. (Так обыкновенно бывает с искушаемыми: чем сильнее борьба, тем более укрепляется ею дух.)

Предательство Иуды. – Ученики Его опять в смятении, поскольку увидели, что Богочеловек не желает употребить к Своему защищению ни сверхъестественных, ни естественных средств. Страх подавляет все чувства и заставляет думать только о своем спасении бегством.

Иисус на суде первосвященников и синедриона.

Божественный Узник приведен был сначала к отставному первосвященнику Анне (или Анану), тестю Каиафы, престарелому саддукею. При всей личной важности своей, Анан, как член синедриона, не имел права совершать судебного допроса. Но ослепленный ненавистью и злобой и к тому же влекомый любопытством к Такой Личности, он, намеренно или ненамеренно, задал самый опасный тон делу. Анану вдруг захотелось узнать об учении Его и об учениках, кто Его последователи и сколько? Какова цель их действий?

«**Аз**, – отвечивал Господь, – не обвиняюся глаголах миру, **Аз** всегда учих на сонмищах и в церкви, и тайно не глаголах ничесоже. **Что Мя вопрошаеши? Вопросы слышавших, что глаголах им: се сии ведят, яже Аз рех**».

Первосвященник Иудейский, несмотря на сильное личное предубеждение против Иисуса Христа, сам, по-видимому, ничего не нашел в ответе Его такого, что бы можно было поставить Ему в вину, хотя внутренне и не мог быть доволен таким искусным, по его мнению, уклонением от дела. Иначе смотрел на все сие один из близ стоявших служителей Анановых. Святая свобода Узника в ответе первосвященнику, пред коим он привык оказывать и видеть одно раболепство, показалась ему дерзостью, стоящею немедленного укрощения. «*Так-то Ты отвечаешь первосвященнику!*» – вскричал он, желая показать усердие к чести своего владыки, и ударил Господа в ланиту.

Кто будет молиться на кресте за самых распинателей Своих, Тот мог перенести теперь равнодушно безумную дерзость раба Ананова... Но молчание в настоящем случае могло показаться признанием в том, что действительно нарушено уважение к сану первосвященника. Сам безрассудный раб остался бы в уверенности, что поступил справедливо. «**Аще зле глаголах**, – отвечал Иисус ударившему Его, – **свидетельствуй о зле; аще ли добре, что Мя виeши?..**»

После этого Иисус отослан был Ананом к Каиафе в том же самом виде, в каком был приведен к нему, то есть связанный. Не только одно заушение от руки раба должен был претерпеть Господь во дворе Анана: здесь же, несмотря на непродолжительность времени, начались и отречения первого из Его апостолов – Петра.

Возле дома Каиафы, несмотря на глубокую полночь, собралась большая часть членов синедриона. Верховное судилище представляло теперь самым живым образом *церковь лукавнующих* (Пс. 25,5). Две главные секты, фарисейская и саддукейская, пылали давнею ненавистью к Иисусу Христу. Каиафа, в руках которого находилась верховная власть, давно уже изрек свое мнение: «**Яко үнее есть, да един үмрeт за люди**». Для беспристрастного наблюдателя достаточно было одного взгляда на лица и движения будущих судей Иисуса, дабы со всею уверенностью заключить, каков будет суд и чего должно ожидать подсудимому.

Несмотря, однако же, на твердое, давно положенное намерение лишить Его жизни, синедрион хотел дать сему делу весь вид справедливости и какими бы то ни было средствами приписать Иисусу вину, достойную смерти. Главным источником мнимой справедливости было опасение – прослыть в народе, приверженном к Иисусу Христу, явны-

ми гонителями невинности, если бы осудили Его без всякого суда, по одной личной ненависти.

Необходимо было найти свидетелей. Первосвященникам, в ослеплении страсти, казалось возможным представить их тысячи. Но в глубокою полночь, когда весь город спал, свидетелей надлежало искать – и не без труда. Начиная от первосвященника и до последнего члена, все занялись сим изысканием: каждый приводил себе и другим на память человека, способного лжесвидетельствовать на Иисуса и по своему образу мыслей и потому, что слышал Его беседы. Такая заботливость судей в изыскании причин к обвинению подсудимого, поспешность и замешательство, с коими делались предложения, давали собранию синедриона вид самый странный, и сквозь личину мнимой справедливости явно проглядывала злоба и личная ненависть.

Всеми искомые лжесвидетели начали, наконец, появляться с разных сторон. Что они ставили Господу в преступление, неизвестно; только свидетельства их были не согласованы между собою и не заключали в себе уголовного обвинения. Вероятно, указывали на какое-либо нарушение покоя субботнего, на несоблюдение преданий фарисейских и проч., – на такие преступления, кои много значили в устах книжников, когда они обольщали народ легковерный, но не содержали в себе законной причины к осуждению обвиняемого на смерть; между тем, судиям хотелось найти преступление именно уголовного рода.

Наконец явились еще два свидетеля, которые, имея в виду слова Спасителя, произнесенные за два пред сим года к народу (Ин. 2,19) в храме Иерусалимском, хотели обратить их в уголовное обвинение; но оба злонамеренно или по забвению от давности времени превращали слова Иисуса Христа. Один (Мф. 26,61) лжесвидетель утверждал, будто Он сказал однажды: «Я могу разрушить храм Божий и в три дня воздвигнуть его». В таком ложном виде слова, усвояемые Иисусу Христу, могли пред судьями показывать дерзость и самохвальство, соединенное с неуважением к самым священным вещам, каков храм. Другой (Мк. 14,58) лжесвидетель объявил, будто ему слышалось, как Господь говорил: «Я разрушу храм сей *рукотворенный*, и в три дня воздвигну другой, *нерукотворенный*». В таком превратном виде слова сии казались обнаружением чего-то мятежного, богопротивного, как будто Иисус Христос не только имеет самое низкое понятие о храме Иерусалимском [слово *рукотворенный* употребляется в св. книгах для означения идола (Ис. 21, 9) и храма идольского (Ис. 16,12)], но и намерен разрушить его, дабы создать другой, неизвестно какой храм, всего вероятнее – не создать никакого. Это представлялось явною хулою на храм, равною хуле на Бога и Моисея, которая, по закону, вела за собою смерть хулившему (Лев. 24,13).

Ничего не было легче, как отвечать на обвинения лжесвидетелей, если бы они стоили ответа. Во-первых, Господь никогда не говорил: «Я разрушу или могу разрушить храм», а говорил только условно к Иудеям, требовавшим чуда: «Разрушите». Во-вторых, когда Он говорил сие, то под церковью разумел не храм Иерусалимский, а собственное тело, так что слова Его имели такой смысл: «**Вы требуете чуда и будете иметь оное в Моем Воскресении; ибо когда вы разрушите церковь тела Моего - умертвите Меня, то Я через три дня воздвигну ее - воскресну из мертвых**» (Ин. 2,16-22).

Между тем Господь не отвечал и на лжесвидетельства. Смерть Его уже была запечатлена в сердцах первосвященников. С другой стороны, поелику слова Господа заключали в себе символическое предсказание о Его смерти и Воскресении, то пояснение смысла, в них содержащегося, было бы далеко не сообразно с настоящими обстоятельствами и, не доставив никакой пользы, привело бы только к недоумениям и насмешкам. Молчание, наконец, было самым лучшим ответом уже потому, что свидетели не были согласны между собою; потому что такое разногласие делало их показания совершенно недействительными пред законом.

Судьи при всей личной ненависти к Подсудимому сами чувствовали слабость лжесвидетельств; но величественное молчание Его для мелкого самолюбия казалось непростительным невниманием или презрением. Если бы Господь защищал Себя, то могли надеяться, что в собственных Его словах найдется что-либо противное закону: ибо первосвященники и книжники не раз испытали на себе строгость его обличений, почитаемую ими за дерзость и богохульство. И вот Каиафа, который доселе сидел на своем месте и сохранял, хотя не без принуждения, важность председателя нечестивого совета, первый потерял терпение, встал со своего места и, выступив на средину (Мк. 14,60), где находился Господь, сказал с гневом: «Как Ты не отвечаешь ничего? Разве не слышишь, что они против Тебя свидетельствуют?» Но Господь не отвечал ни слова.... Раздраженный сим молчанием, первосвященник всего скорее согласился бы почесть его за сознание в преступлении; но некоторый остаток приличия еще обуздывал личную ненависть. Между тем, вступив в разговор с Узником, он не мог уже без стыда окончить его ничем. Хитрость саддукея нашла средство, не прибегая к явно несправедливым мерам, не только заставить Подсудимого говорить, но и сказать нечто такое, чем весь допрос в немногих словах мог быть совершенно окончен. Как первый служитель Бога Израилева первосвященник, при всем недостойнстве своем, имел право спрашивать о чем-либо обвиняемого под клятвою: способ допроса, на который нельзя было не

отвечать, не преступив должного уважения к клятве, к сану первосвященника и самому закону. К сему-то средству прибег Каиафа.

«Заклинаю Тебя, – сказал он с притворным уважением к словам, им произнесенным, **– заклинаю Тебя Богом живым: скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий (то есть Ты ли Мессия)?»** (Мф. 26,63).

«Я, – отвечал Господь, **– даже реку вам более: отселе увидите Сына Человеческого (Меня), сидяща одесную силы Божией и грядуща на облацех небесных».**

То есть, как бы так было сказано: вскоре самые дела покажут вам, что Я тот славный Царь, Который по описанию пророка Даниила сидит на облаках одесную Ветхого днями (Дан. 7,13-14).

Сего именно признания и желал Каиафа, потому что оно совершенно ответствовало его цели. Но положение дела требовало скрыть при сем свое удовольствие, и оно сокрыто... Как бы услышав ужасное, нестерпимое богохульство, лицемер тотчас представился вышедшим из себя и разодрал одежды свои (переднюю часть). Поступок, который в первосвященнике выражал чрезвычайную крайность душевного волнения и показывал величайший избыток мнимой ревности по славе Бога Израилева. – *«Слышали ли, –* вскричал потом Каиафа к прочим судиям, *– слышали ли вы, что Он сказал?.. Он явно богохульствует, и мы еще требуем свидетелей?»*

Все молчали, разделяя с первосвященником притворный ужас по причине мнимого богохульства. **«Что же вы думаете, –** продолжал лицемер, **– чего Он достоин?»** (Мф. 26,65-66). *«Смерти, смерти», –* повторяли один за другим старейшины.

Сим кончился первый допрос. Судьи и советники разошлись, дабы несколько успокоиться сном, потом снова собраться при первом рассвете. Цель, давно желанная, достижение которой еще за несколько дней казалось невозможным, эта цель – осуждение на смерть Иисуса – теперь представлялась уже почти достигнутой; оставалось только в новом собрании подтвердить приговор, теперь сделанный.

Господь, в ожидании нового собрания, выведен был из жилища первосвященника, где происходил совет, на двор. До утра оставалось немного времени (два-три часа); но для Него сей промежуток времени был весьма тяжел, потому что Он находился в руках буйной толпы, состоявшей из стражей храма и служителей первосвященнических (Лк. 22,63-65; Мф. 26,67-68). Те и другие почитали за долг выказать свое раздражение и презрение к Человеку, Который, по их мнению, имел дерзость быть врагом их начальников. Может быть, даже от первосвященников дан был слугам намек, как поступать с Узником. *«Пророк Галилейский! Мессия-самозванец!»* Такими насмешками началось по-

ругание. Но скоро от слов перешли к ударам. Одни заушали Господа, другие ударяли Его по ланитам, иные плевали в лицо. Кои хотели казаться остроумными, закрывали Его лицо (Мк. 4,65; Лк. 22,64) одеждою и при каждом ударе спрашивали: «Угадай, Христос, кто Тебя ударил», – потому что Мессия, по мнению Иудеев, должен был знать все.

Что Господь все сии оскорбления переносил терпеливо, без всякого ропота, о сем Евангелисты не почли за нужное и упоминать. Они замечали только, что Он что-то говорил Своим мучителям для их вразумления.

Обратимся к Петру. Здесь прилично рассказать, как исполнилась последняя часть предсказания Иисуса Христа *о его отречении*.

Несмотря на опасность, встретившую Симона во дворце Анана, он следовал за толпою служителей, ведших Иисуса Христа во дворец Каиафы, желая знать, чем кончится суд над Учителем, Коему изменили уже его уста, но сердце пребыло верным. Первое возглашение петуха при первом отречении Симона не произвело на него никакого впечатления или, может быть, даже возбудило решимость доказать на деле, что зловещий петел не будет более свидетелем измены апостола. И во дворце Каиафы Симон представлял лицо человека, который пришел на шум народный из одного любопытства, и также, вмешавшись в толпу служителей, грелся вместе с ними у огня, который был разведен на дворе по причине ночного холода. Но предсказанная Господом измена преследовала Симона и здесь. Один из служителей, обратив внимание на галилейское наречие, коим он говорил, начал говорить окружавшим его: *«Этот человек должен быть из числа учеников Иисусовых»*. Симон затрепетал снова; уста, однажды изменившие, еще скорее разверзлись для второго отречения: одних уверений показалось уже недостаточно – и малодушный ученик присовокупил ко лжи клятву в том, что он вовсе не знает Иисуса... Так скоро и глубоко падает добродетель человеческая! Освободившись от опасности, Симон удалился от огня; страх гнал его вон, но любовь опять удержала, и он остановился у дверей.

Протекло еще несколько времени, первый допрос кончился – и Иисус Христос был выведен из судилища на двор. Влекомый любовью ученик невольно приблизился, чтобы еще раз взглянуть на своего Учителя, показаться Ему, если можно, и доказать свое участие в Его судьбе. Казалось, безопасно; но вдруг один из служителей остановил Симона вопросом: **«Верно, и ты был с Ним? Ибо ты Галилеянин, и наречие твое изменяет тебе»**. Прочие служители подтвердили сие подозрение, ибо наречие Галилейское было очень заметно для всякого, а между тем все знали, что ученики Иисусовы родом Галилеяне. Один из слуг архиерейских, бывший с воинами в саду Гефсиманском, родственник

того самого Малха, которому Петр отрезал ухо, начал вслух всех обличать его, говоря: **«Не я ли тебя видел с Ним в саду Гефсиманском?»** Робкий Симон не знал, что делать, забыл себя и Учителя, умер, по выражению св. Златоуста, от страха, и всеми видами клятв начал утверждать, что он не только никогда не думал быть учеником Иисуса, но и вовсе не знает Сего Человека.

Еще малодушный ученик не успел окончить своих клятв, как проводник покаяния (петел) возгласил вслух его в другой раз...

В это же время Господь, бывший среди стражи на дворе, обратился в ту сторону, где находился Симон Петр (и где по причине спора произошел шум), и посмотрел на него пристально... Петр, при всем замешательстве своем, заметил это; взор Учителя и Господа проник в его сердце. Казалось, он снова слышит роковое предсказание: **«Прежде нежели пропоет петух, ты отвергаешься Меня три раза»**. Место малодушия заступили стыд и раскаяние. Но – опыт кончился! Слуги архиерейские, удовлетворившись клятвами, перестали беспокоить Петра. Но шум двора архиерейского был уже несносен для сердца, терзаемого скорбью, и он, со слезами на глазах, спешил вон, дабы в уединении плакать о своем непостоянстве... **«И изшед вон, плакася горько...»**

Св. Климент, ученик апостола Петра, повествует, что он всю жизнь, при полуночном пении петуха, становился на колени и, обливаясь слезами, калялся в своем отречении и просил прощения, хотя оно было дано ему Самим Господом вскоре по Воскресении. По сказанию Никифора, глаза св. Петра от частого и горького плача казались красными.

Наступало утро дня, единственного в истории рода человеческого. В навечерии его, как мы видели, Иудеи заклали агнца пасхального, а теперь, среди полудня, был заклан Агнец Божий, вземлющий грехи мира. Надлежало, чтобы истинная жертва принесена была с жертвою преобразовательной в один день. Умы всех Иудеев заняты были последней; думал ли кто-нибудь о первой?..

Еще добрые Израильтяне покоились сном, не думая, чтобы *Утеха Израиля* была так близко к ним, как чертоги Каиафы снова наполнились старейшинами, фарисеями и книжниками. Желали только – сообразно обыкновению – не осуждать преступника на смерть в одно заседание. Не страшились более и возмущения народного: жители Иерусалима не могли еще узнать о приключениях прошедшей ночи. Дело тьмы совершалось так успешно, как только могли желать служители тьмы.

Господь был введен в собрание. **«Ты ли Мессия, скажи прямо?»** – спросил Каиафа тем голосом, который уже отзывался смертным приговором.

«Аще и рекү вам (что Я Мессия), – отвечал Господь, – не имате веры. Аще и вопрошү вас (о том, что могло бы вывести вас из ослепления), не отвещаете Ми и (хотя бы Я доказал, что вы должны верить словам Моим) не отпустите Мя. (После сего остается одно) Отселе Сын Человеческий (Я Мессия) будет седяй одеснүю силы Божией (не будет более являться пред вами в виде уничиженного узника, а примет вид всемогущего царя и судии)».

«Итак, Ты Сын Божий (Мессия)?» – спросили с нетерпением некоторые из судей.

«Аз есмь», – отвечал Господь. **«Он Сам на Себя произнес осуждение, – повторяли одни за другими старейшины, – более не о чем рассуждать. Смерть, смерть богохульнику!.. Смерть, смерть Ажемессии!..»** (Лк. 22,66-71).

Благомыслящие члены синедриона или не были при настоящем решительном осуждении Господа, или должны были молчать. Касательно Иосифа Аримафейского прямо замечается в Евангелии, что он не участвовал в настоящем *преступном совете и незаконном деле* синедриона.

Мы говорим: «преступном совете и незаконном деле», ибо, как ни старались первосвященники в суде над Господом соблюсти вид законного судопроизводства, настоящий приговор против Него сделан вопреки всем законам правосудия. «Форма только, – говорит св. Златоуст, – была суда, а, в самом деле, это было не что иное, как нападение разбойников».

Иудейский синедрион пользовался еще правом наказывать смертью за преступление отечественных законов; только приговоры его исполнялись не прежде, как по утверждении их областным прокуратором. Первосвященники предпочли отослать Осужденного к прокуратору, дабы он приказал казнить Его по законам римским. Это было совершенно в духе фарисейской расчетливости. Совершение казни от лица синедриона обратило бы всю ненависть народа, приверженного к Иисусу Христу, прямо против первосвященников и фарисеев; могли даже опасаться, что народ произведет возмущение в пользу любимого всеми Пророка, – что было сделать гораздо труднее, когда Он находился в руках римского, для всех страшного, правительства. Самое наступление праздника препятствовало первосвященникам распорядиться отечественной казнью; а отложить ее до окончания праздника – сопряжено было с новой опасностью от народа. В предании Господа Пилату представлялась и та выгода, что прокуратор может осудить Его на самую поносную смерть – на крест, – которая определялась только римскими законами. Между тем надлежало исполниться и предсказанию Господа о том, что Его предадут в руки язычников, которые осудят Его на распятие (Ин. 18,32).

Требовалось только придумать, как сильнее подействовать на прокуратора, дабы он кончил дело без дальнейшего исследования. Для сего вернейшим средством казалось, если члены синедриона сами явятся в его судилище, представят ему и важность дела, и единогласие своего приговора, и очевидность преступления, и крайнюю опасность со стороны преступника для самого правительства римского.

Вследствие подобных соображений Иисус Христос в узах был отведен в преторию Пилата (так назывался весь дом и, в частности, судилище римского правителя) (Мф. 27,1-2).

Римский прокуратор Иудеи, коему достался несчастный жребий осудить на распятие *Господа славы*, был **Понтий Пилат** (Понтий было имя прокуратора, а *Пилат* прозвание, данное ему потому, что он начальствовал когда-то над воинами, вооруженными *pilis*, коих называли пилатами, или потому, что он за какое-либо отличие награжден был таким оружием, эта награда была в обыкновении у римлян), человек, по свидетельству Иудейских писателей, высокомерный, жестокий и корыстолюбивый. Впрочем, такой отзыв мог быть следствием национального предубеждения против чужеземного правителя, и если заслужен Пилатом, то более в последние годы его правления. По крайней мере, история суда Пилатова над Иисусом Христом не показывает в нем особенного высокомерия, тем менее корыстолюбия.

Понтий был только прокуратором Иудеи, Самарии и Идумеи (должность, которая, сама по себе, ограничивалась получением податей государственных), впрочем, с полным правом претора: решать все дела и казнить смертью. Такими прокураторами назначались люди большей частью всаднического достоинства, иногда из вольноотпущенных, чем-либо отличившихся, и назывались, подобно другим главным начальникам, игемонами, или правителями. Пилат принадлежал к сословию всадников. Обыкновенным местопребыванием Иудейских прокураторов был город Кесария, но на праздники, особенно на Пасху, они переселялись в Иерусалим для ближайшего надзора за спокойствием народа и для укрощения возмущений, кои нередко происходили во время праздников.

С синедрионом Иудейским римскому игемону трудно было жить в мире. Пилат имел немалые причины негодовать на Иудеев и их синедрион. Вскоре по вступлении в должность Иудейского прокуратора ему захотелось (вероятно, из ласкательства кесарю) внести в Иерусалим римские знамена с изображением кесаря; поступок сам по себе не очень важный, но противный Иудейским обычаям. Упорство народа, соглашавшегося лучше лишиться жизни, нежели видеть языческие изображения в святом граде, сделало то, что Пилат принужден был ве-

леть вынести знамена из Иерусалима. Потом Пилат вздумал построи́т за счет церковных сокровищ водопровод для Иерусалима; намерение весьма полезное для жителей столицы, много, и особенно в праздники, терпевшей от недостатка хорошей здоровой воды, но неприятное синедриону, коему принадлежали деньги. В сем случае произошло народное возмущение, так что Пилат с трудом рассеял народ, окруживший его литостротон (площадка перед домом прокуратора, устланная мрамором и др. разноцветными камнями) и нагло требовавший оставить его без воды.

Об Иисусе Христе и Его действиях Пилат не мог не иметь давно сведений; но, без сомнения, не имел верного понятия, кроме того, что действия Его не опасны для римского правительства. Известно было, конечно, Пилату и о происшествиях минувшей ночи: взятии Иисуса Христа под стражу, собрании синедриона и прочем, ибо римская стража, усугублявшая свою бдительность во время праздников, давала знать прокураторам о всех происшествиях, заслуживающих внимания. Пилату даже известно было гораздо более, нежели сколько хотели и, может быть, ожидали первосвященники: что они преследуют Пророка Галилейского единственно по личным видам, из зависти и злобы (Мф. 27,18). Таким образом, появление Иисуса Христа в виде узника не было для прокуратора вовсе неожиданным явлением; неожиданно было только, что для обвинения Его явился весь синедрион, так рано и в тот день, когда всякий Израильтянин, и искренне и лицемерно набожный, старался как можно дальше удаляться от язычников и всего языческого, дабы не потерять законной чистоты, необходимой для совершения Пасхи.

По закону, Иудей становился нечистым только от соприкосновения к мертвому и некоторым вещам. Но фарисеи из гордости почитали нечистыми всех язычников и даже вещи, им принадлежащие, поэтому, возвращаясь с площади, они имели обыкновение мыть руки и даже все тело.

Первосвященники и книжники, *пожирая*, по выражению Евангелия, **верблюдов**, действительно, не забыли теперь **отцедить сего комара**. (Мф. 23,24). Пришедши к претории Пилатовой, они не вошли в нее, *чтобы не оскверниться*, и дали знать игемону, что ожидают его на литостротоне для такого дела, которое не терпит отсрочки. Не забыли, без сомнения, извиниться пред игемоном в том, что закон не позволяет им войти теперь во внутренность претории для личного с ним объяснения.

«Жалкий народ! слепые изуверы!» – думал, конечно, гордый римлянин, чувствительный к тому, что его подвластные почитают дом его нечистым и богопротивным, что опасаются войти к нему. Но дух римс-

кой власти всегда щадил предрассудки побежденных народов, и Пилат немедленно явился на литостротоне.

Первосвященники в кратких словах объявили, зачем они пришли и чего требуют, надеясь, что Пилат не заставит их судиться с преступником, осужденным целым синедрионом.

Но для Пилата уже такая поспешность и настойчивость были подозрительны. Наместник кесаря менее всего расположен был служить слепым орудием Каиафова коварства. Как бы не примечая, что обвинители дорожат временем и сердечно участвуют в гибели Обвиняемого, римский вельможа принимает спокойный тон беспристрастного судии и спрашивает: «В чем же вы обвиняете сего человека?»

Потребовать вины и, без рассмотрения дела, не осуждать виновного – было отличительным свойством римского правосудия (Деян. 25, 15-16).

«Если бы Он не был злодей, то ужели бы мы (все члены синедриона) предали Его тебе для казни?» – был ответ старейшин, все еще надевавшихся, что их личная важность послужит вместо всех доказательств.

Но такой неопределенный, личный язык еще более изменял сердечной тайне врагов Иисусовых, а их самонадеянность еще сильнее вызывала против себя гордость Пилата, внутренне, может быть, радовавшегося, что нашел случай досадить своим врагам...

«Когда так, – возразил игемон, – когда вы хотите, чтобы я осудил Сего Человека без исследования дела, то к чему и мое участие? Возьмите Его вы сами и по закону вашему судите и наказывайте Его, как вам угодно. Я не хочу вмешиваться в ваши дела».

«Но преступление Его, – отвечали обвинители, – требует смертной казни, потому что Он выдавал Себя за Мессию, Царя Израильского, а нам нельзя никого предавать смерти, без твоего на то согласия».

Такое усердие к выгодам кесаря, особенно уклонение от осуждения на смерть мнимого преступника из уст первосвященников должны были казаться для Пилата чрезвычайно странными. Отказывались от своих прав те, кои всегда дорожили ими и непрестанно спорили с прокураторами о правах.

Однако же важность обвинения не позволяла более уклоняться от судопроизводства: надлежало приступить к допросу. Пилат вместо всех исследований обратился к Господу и спросил Его: «Царь ли ты Иудейский?»

При настоящих обстоятельствах, такой вопрос не мог быть произнесен без улыбки. Пред Пилатом стоял такой человек, о котором нельзя было и подумать, чтобы он имел виды на престол Иудейский и осмелился спорить о правах на Иудею с кесарем. Конец суда, по-види-

тому, зависел от того, что Обвиняемый скажет в ответ: признает или не признает Себя царем. Судья не ожидал, чтобы Узник объявил Себя пред ним царем, не ожидал и того, что Он прямо отвергнет обвинение Иудеев. Каково же должно быть удивление Пилата, когда Господь решительно ответил: **«Я – царь!»** (Мк. 15,2).

Лучше сего ответа не могли желать враги Иисуса, опаснее его не мог вообразить Пилат. При таком ответе Иудеи могли тотчас сказать, что дело кончено, потому что Обвиняемый говорит Сам на Себя. Может быть, Пилат и окончил бы теперь свой суд подтверждением приговора, сделанного синедрионом, но внушающий к Себе благоговение вид Господа, твердость и спокойствие, с коими произнесено признание в том, что Он царь, собственное нерасположение Пилата к синедриону побудили его войти в новое рассмотрение.

Такого рассмотрения, впрочем, требовала и справедливость. Иисус Христос, называя Себя царем, не признавал еще вместе с тем, что Он развращает народ и запрещает давать дань кесарю (Лк. 23,2).

Думая, что Узник имеет особенные причины не обнаруживать подробно Своих мыслей в присутствии Своих обвинителей, и вообще желая дать Ему более свободы в объяснении Своих действий, Пилат вошел в преторию, дав знак следовать за собою туда же и Иисусу. Первосвященники, при всем желании быть свидетелями тайного допроса, оставались на дворе, из опасения потерять чистоту законную, с неудовольствием видя, как немного подействовало на прокуратора то самое признание Господа, которое в синедрионе послужило единственным основанием смертного приговора.

«Итак, Ты выдаешь Себя за царя Иудейского?» – начал Пилат с тем видом, который если не показывал особенного благорасположения, то вызывал к открытому объяснению.

«От себя ли ты, – спросил Господь Пилата, – говоришь сие, или другие так сказали обо Мне?»

Вопрос для римского вельможи, облеченного правом казнить и миловать, показался не совсем уместным. *«Разве я Иудей? – отвечал Пилат с надменностью. – Твои сограждане и первосвященники предали Тебя (как виновного в присвоении имени царя; вследствие чего я, как прокуратор, на коем лежит обязанность утверждать приговоры синедриона, должен, против воли, делать Тебе допрос, хотя доселе и не видал от Тебя сам ничего противного законам). Итак, что Ты сделал? (Чем подал повод думать что Ты, по мнению Твоих обвинителей, ищешь царства?) Отвечай!»*

«Царство Моё, – отвечал Господь, – несть от мира сего (не есть какое-либо земное царство, которого ожидают Иудеи). Аще бы от мира

сего было царство Мое: слуги подвизались вы, да не предан вых был Иудеом. Но царство Мое несть отсюду» (не есть земное, и потому совершенно безопасно для римлян).

Пилат, по-видимому, остался доволен сим ответом. Только слово «царство» (Господь не без намерения удержал его) звучало сомнительно в ушах политика, тем более что враги Иисуса Христа могли толковать его в худую сторону. Притом Господь сказал только, в чем не состоит Его царство, а не сказал, в чем состоит оно, о чем также нужно было знать игемену.

«Однако же Ты царь?» – спросил Пилат, давая, без сомнения, уразуметь, как неуместно слово сие в устах Обвиняемого.

«Ты глоголещи, яко царь аз есмь, – отвечал Господь, давая со своей стороны знать игемену, что названия сего, как оно ни кажется ему опасным, нельзя не употреблять, когда уже оно употреблено обвинителями и, в чистом своем смысле, совершенно сообразно с истиною – аз на сие родихся, и на сие придох в мир, да свидетельствую истину, и всяк, иже есть от истины, послушает гласа Моего».

Римский всадник не способен был понять все в смысле христианском, конечно, а лишь в философском. Римляне, особенно вельможи римские, были в то время знакомы с философией стоиков, по учению коих, истинный мудрец и человек добродетельный есть царь. Изречение Горация: «Ты правитель, если право поступаешь» – сделалось в Риме почти народным присловием. Одно, может быть, не нравилось игемену, что царь, мудрец, подлежащий его суду, пристрастен не только к своим мыслям, но и выражениям, даже опасным; обыкновенный, думал он, недостаток мудрецов-энтузиастов, не знающих политики...

Поелику Господь так много усвоял истине, то Пилат как бы невольно спросил Его: «Что есть истина?» – и, не ожидая ответа, вышел вон из претории к первосвященникам.

Не вдруг можно определить истинный смысл сего вопроса Пилатова об истине. Будучи тронут внутренне нравственным величием Господа, римлянин хотел показать мимоходом, что и он неравнодушен к истине и в свободное время с удовольствием вступил бы о ней в собеседование. Может быть, вельможа-политик вопросом об истине, а более тоном, с коим произнес его, хотел дать Подсудимому новый намек на осторожность, как бы так говоря: «Ты решаешься жертвовать истине всем; но что такое истина? Доселе ни один философ не только не нашел, даже не определил ее; думай не об истине, а о жизни». Такой образ мыслей весьма удобно может быть приписан Пилату, во времена коего в Риме любимой философией было учение академиков, кои, ничего не утверждая в области истины, все разрушали и приводили в сомнение.

Как бы то ни было, но по выходе из претории Пилат решительно объявил Иудеям, что он, вследствие допроса, находит Иисуса Христа совершенно невинным (Ин. 18, 38).

Первосвященники скрыли личное негодование на прокуратора, но тем с большим ожесточением начали клеветать на Иисуса Христа: «гло-голаху», по выражению Евангелиста Марка, **много**» (Мк. 15,3; Лк. 23,5).

Когда обвинители умолкли, и Божественному Узнику надлежало, в свою чреду, отвечать на их обвинения, Он не сказал ни слова. «Что же Ты не отвечаешь? – спросил Пилат, удивленный столь необыкновенным равнодушием. – Видишь, как много против Тебя обвинений!»

Но Господь продолжал безмолвствовать... Такое молчание могло удивить всякого. Самые враги Господа должны были находить его весьма странным. Они знали, что Обвиняемый, если бы захотел, мог сказать в защите Себя многое, знали, что Он обладает особенною силою слова, и тем паче должен был раскрыть все Свои дарования, когда дело шло о Его жизни, – для убеждения прокуратора, который казался к Нему расположенным. Вероятно, – так могли они думать – Он совершенно потерял присутствие духа, или полагается слишком много на снисхождение к Себе прокуратора, или ожидает, чтобы кто-либо из народа вступился за Него и высказал Его похвальные деяния. Впрочем, молчание Господа должно было быть для первосвященников приятно во многих отношениях. Если бы Он заговорил, то могли опасаться, что Он обнаружит не только невинность Своих поступков, но и личную ненависть против Него начальников синагоги, что Он может обратиться, каким бы то ни было образом, внимание Пилата на Свои чудеса, которые если не побудят тотчас освободить Его, то заставят продолжить суд и войти в подробнейшее рассмотрение дела, что потребует справок и времени, чего именно так сильно хотелось избежать врагам Иисусовым.

Пилат более всех дивился молчанию Господа, однако же несколько не думал почитать его следствием невозможности защищать Себя. Мнимая ревность первосвященников о твердости Римского правительства, скорее всего, могла возбудить смех в хитром римлянине, который очень хорошо знал на сей счет образ мыслей Анана и Каиафы. С другой стороны, кроткое спокойствие Господа, Его возвышенный и светлый образ мыслей о царстве истины, неизъяснимое величие в Его лице и взорах не позволяли и думать, чтобы в душе столь чистой зрели какие-либо нечистые замыслы. Все располагало Пилата в пользу Подсудимого. «Но как и защищать Его от преследования врагов столь упорных, могущественных и хитрых, когда Он Сам явно небрежет о Своем оправдании и, по-видимому, не ищет спасения от смерти?» Тонкий расчет прокуратора нашел в самых обвинениях средство, если не спасти невинного Узника

от казни, то отклонить от себя жестокий удел осудить Его на сию казнь.

«Вы говорили, – сказал Пилат, обратясь к Иудеям, – что Он начал возмущать народ с Галилеи; разве Он Галилеянин?»

«Галилеянин», – вскричали обвинители в несколько голосов, полагая, что сие обстоятельство подействует на Пилата, который был особенно нерасположен к Галилеянам и находился во вражде с их правителем, Иродом Антипою, по случаю умерщвления некоторых из его подданных во время жертвоприношения (Лк. 13,1).

Но в уме прокуратора было совсем другое. Под предлогом нежелания вмешиваться в дела, принадлежащие чужому правлению, Пилат решился отослать Иисуса Христа на суд Ирода. В другое время исполнение сего намерения потребовало бы несколько недель, потому что местопребыванием тетрарха Галилейского была Тивериада, отстоящая от Иерусалима не на малое расстояние, но теперь это могло быть сделано в продолжение одного часа, потому что Ирод Антипа, исповедуя иудейскую религию, находился теперь в Иерусалиме для совершения Пасхи. Отклоняя столь благовидным образом от себя судопроизводство над Иисусом Христом, Пилат мог еще при сем надеяться, что такая неожиданная учтивость послужит к примирению с ним потомка Ирода Великого.

В силу таких соображений Божественный Узник немедленно отсылается к Ироду, в том же самом виде, в каком приведен из синедриона, то есть в узах и под стражею. Туда же против воли должны были следовать первосвященники и прочие члены синедриона, не имея ни малейшего права и предлога протестовать против такого перенесения дела из одного суда в другой.

Тетрарх Галилейский, сын Ирода Великого, Ирод Антипа, к которому на суд должен был явиться Агнец Божий, был тот самый деспот, который в угодность беззаконной жене своей Иродии, лишил жизни Иоанна Крестителя. Жестокость и бесчеловечие не были, собственно, характером Антипы, но склонность к чувственности и слабость духа и сердца не раз доводили его до жестокостей. Бесстыдная Иродия продолжала обладать сердцем Антипы и правила им вместе с царством.

Для Антипы появление теперь в его дворце Иисуса Христа было столько же приятно, сколько неожиданно. Он знал Господа только по слухам, о чудесах его слышал весьма много, слышал, конечно, что-либо и о Его учении, но быть слушателем Иисусовым в Ироде не было никакого желания, хотелось только видеть какое-либо чудо. Прежнее мнение Ирода (Мф. 14,1-2; Лк. 9,7-9), что в Иисусе Христе воскрес Иоанн Креститель, им умерщвленный, теперь уже не тревожило сластолюб-

ца, рассеянность и забавы изгнали из воображения сию мысль, которая могла быть благотворной для его совести.

Ирод, несмотря на свою религию, не имел усердия к синедриону, который состоял большею частью из фарисеев, секты, не терпевшей чужого владычества, а посему подозрительной для Ирода, чья фамилия происходила из Идумеи, возвысившаяся и державшаяся происками при дворе кесарей. Ирод был более расположен к секте саддукеев и держался их мнения. Знал, конечно, Ирод, подобно Пилату, и о том, что первосвященники преследуют Пророка Галилейского единственно по личным видам.

Ирод и не думал об исследовании дела, коего незначительность в гражданском отношении была для него столько же очевидна, как и для Пилата. Не обращая внимания на высоких обвинителей Иисусовых, он видимо предался радости, что видит, наконец, пред собою всеми славимого Пророка, Которого так давно и сильно хотелось видеть ему (Лк. 23, 8). «Теперь, – думал роскошный деспот, – теперь подсудимый, угрожаемый муками и смертью Чудотворец, для преклонения меня на милость, раскроет предо мною все чудеса Своего могущества или искусства».

Всего вероятнее, что это любопытство обращено было на прошедшие чудеса Господа, в том числе, может быть, и на чудесные обстоятельства Его собственной жизни, например, гласы с неба и проч. Господь не отвечал ни слова, не показал даже и вида, что Он расположен удовлетворить желанию тетрарха – видеть от Него какое-либо чудо.

Сын Человеческий и здесь является в том же величии, в каком мы видим Его при начале служения, когда, искушаемый в пустыне, **Он отвергает с презрением предложение сатаны – употребить в личную Свою пользу дар чудес.** Нет сомнения, что Ирод, увидев какое-либо чудо, освободил бы Чудотворца от опасности, Ему угрожавшей; но творить в угодность Ирода и царедворцев его чудеса – значило бы унижать Святого Духа, силою Коего они совершались, – повергать Свята псам...

Между судиями Господа один только Пилат, по-видимому, был несколько расположен ценить высокие чувствования и поступки Подсудимого. Не знающий истинного величия, Ирод, не получая удовлетворения своему любопытству, предался сильному негодованию. Первосвященники заметили это и тотчас, пользуясь случаем, начали клеветать на Иисуса Христа, доказывая, что Он, как непокорный властям враг спокойствия народного, давно достоин смерти.

Но Ирод, при всем негодовании на обманутую надежду видеть чудо, не был расположен верить клеветам фарисейским. По всей вероятности,

молчание Господа почтено им за сознание слабости сделать пред ним чудо, достойное внимания. «Такие люди, – думал Ирод, – заслуживают не смерть, а осмеяние»; и сам первый начал издеваться над Господом. Толпа царедворцев немедленно присоединилась к своему повелителю. Со всех сторон полетели острые насмешки, язвительные укоризны и грубые шутки. Сын Человеческий был осмеян, поруган столько, сколько праведник может быть осмеян при дворе, подобном двору Антипы.

В довершение всех насмешек Ирод велел надеть на Иисуса Христа длинную, белую, лоснящуюся одежду. Так одевались в Риме полководцы и все те, которые готовились искать у народа какой-либо должности. Так, думал насмешливый деспот, должен быть одет и Тот, Кто имел безрассудство представлять из Себя, хотя без особых умыслов и дальних последствий, Царя Иудейского.

В сей же самой одежде Иисус Христос отослан обратно на суд к Пилату. Дарованием Ему свободы Ирод не хотел, вероятно, раздражить первосвященников, между тем взаимной учтивостью думал отплатить за учтивость Пилата и показать, что он перестает быть его недругом. Ибо с сего времени, по замечанию Евангелиста Луки, Ирод и Пилат сделались по-прежнему друзьями. Законным предлогом к отсылке Узника на суд прокуратора Иудейского, если нужен был предлог сей, могло служить то, что Иисус Христос, хотя провел большую часть Своей жизни в Галилее, но родился и записан был в народную перепись в Иудее, управление коею принадлежало Пилату.

Солнце было уже высоко: три допроса и переход из одного судилища в другое продолжались столько времени, что первосвященникам трудно было надеяться в сей же день окончить это дело. Но отложить его до другого времени – значило вовсе его оставить. Обстоятельства еще более могли расположиться в пользу Узника, и без того покровительствуемого прокуратором. Особенно могли опасаться народа, который, узнав об участии, уготовляемой великому Пророку, легко мог восстать против синедриона. Посему старейшины с необычным для них терпением опять следовали за Иисусом Христом в Пилатову преторию, получив одно утешение, что Ирод поругался над Господом.

В то время как Иисус Христос находился во дворце Иродовом, пред домом Пилата час от часу более собирался народ (Лк. 23,13) не столько для того, чтобы быть свидетелем суда над Пророком Галилейским (заключение Его в узы еще не могло сделаться известным всему городу), но чтобы участвовать в подаче голосов за освобождение узника. Ибо в то время у Иудеев существовало обыкновение, чтобы в честь праздника Пасхи давать свободу одному из осужденных на смерть преступников (в память освобождения своего из рабства языческого). Это составляло

остаток свободы, коею римляне любили льстить народам, ими побежденным.

По возвращении синедриона Пилат, против воли, должен был снова начать суд, для него столько неприятный.

Итак, подозвав к себе членов синедриона и народ, прокуратор начал говорить к ним так: «Вот вы привели ко мне Человека сего, как возмутителя народного спокойствия, но я при вас самих расспрашивал Его и нашел совершенно невинным в том, в чем вы Его обвиняете. Ирод, к которому я отсылал Его, сколько вижу, тех же мыслей; по крайней мере, он нисколько не нашел в нем преступления, достойного смерти; итак, я не могу, по вашему желанию, осудить Его. Наказать, если угодно, я накажу, но после должен возвратить Ему свободу как невинному» (Лк. 23,14-16).

В сих словах уже приметна некоторая уступка со стороны Пилата. Прежде он утверждал, что Узник не достоин ни малейшего наказания, теперь соглашается употребить наказание исправительное. Уверенность его в невинности Иисуса Христа не переменилась, переменились только обстоятельства. Положить какое-либо наказание Узнику казалось нужным и потому, чтобы показать внимание к намеку нового друга своего – Ирода на Его мечтательность, а более – из снисхождения к синедриону, чтобы он имел возможность без особенного стыда прекратить преследование невинного. Что такой оборот дела будет стоить Праведнику незаслуженных страданий, о сем Пилат не заботился, почитая торжеством своего правосудия, если в таких обстоятельствах успеет спасти, по крайней мере, Его жизнь.

Но первосвященники, видя снисхождение к себе, сделались тем неуступчивее и объявили решительно, что они, кроме смертной казни, не удовлетворятся никаким другим наказанием. Пилат был в явной нерешимости, **что** делать...

Шум народа вывел его из недоумения. Праздная толпа изъявляла неудовольствие, что игемон, занявшись судом над Иисусом Христом, медлит исполнить народный обычай – освободить ради праздника одного из преступников. Дерзость сия, в другое время обидная, теперь была приятна для Пилата тем, что представила ему способ выйти из затруднения. Известно было, что народ намерен был просить Варавву, преступника весьма важного, который произвел возмущение и убийства и теперь со своими сообщниками сидел в темнице, ожидая казни, вероятно, крестной. «Что, – думал Пилат, – если я поставлю Иисуса наряду с сим разбойником и предложу народу выбор? – Ужели иудеи предпочтут Иисусу возмутителя и убийцу?» – Последнее казалось весьма невероятным, ибо Пилат знал, что народ не разделяет с первосвященниками

ненависти к Иисусу и что, напротив, народная любовь к Нему виною их зависти и недоброжелательства.

Сообразив мгновенно все это, игемон обратился к народу. **«Хорошо, – сказал он, – я готов исполнить ваше требование; слышно, что вам хочется просить свободы Варавве. Не препятствую. Впрочем, предлагаю вместе с ним на выбор другого. Хотите ли, чтобы я отпустил вам Иисуса, так называемого Христа, Царя Иудейского?»** (Мф. 27,17; Мк. 15,9; Ин. 18,39). Более Пилат ничего не сказал в одобрение Иисуса Христа.

Во всяком отношении, предложение Пилата народу об избрании Иисуса Христа было весьма необыкновенно. **«Смотри, – замечает Златоуст, – как порядок превратился! Народ должен просить у Пилата свободы преступнику; а теперь сам прокуратор просит ее у народа!»**

К этому моменту жена прокуратора прислала к нему своего служителя с тайной просьбой не осуждать необыкновенного Узника и, если можно, совершенно уклониться от судопроизводства над Ним, *«ибо, – говорила она, – в прошедшую ночь я видела сон и много пострадала за Сего святого Мужа»*.

Прокула (так называется жена Пилата в Никодимовом евангелии) убеждена была сном своим не только в невинности Иисуса Христа, но и в том, что Он есть праведник (наименование, которое в устах язычницы означало человека необыкновенной добродетели, любимца Божества). Должно также думать, что во сне открыто было Прокуле, более или менее, и высокое достоинство лица Иисусова, и страшная участь, ожидающая врагов Его и судей неправедных.

На Пилата предостережение жены тем сильнее должно было действовать, чем более оно согласовалось с убеждением его собственного сердца и чем известнее было ему нравственное достоинство его супруги.

Между тем (как Пилат разговаривал с посланным от жены), первосвященники и старейшины употребляли все способы к наущению народа против Иисуса Христа. Между прочим, в наущение могли говорить: **«Кто не видит, что Ему помогали темные силы, что Он посланник Всевлзеула? (Мф. 9,34). Ибо когда Он совершал чудеса? В субботу, вопреки закона Моисеева (Мф. 12,2-8). А чему учит Он? Разрушает все предания (Мф. 15,2), грозит разрушить самый храм (Мф. 26,61). А как живет Он? – ест и пьет с мытарями и грешниками (Мф. 9,11; 11,19); ведет дружбу с Самарянами (Ин. 8,48). И такой человек называет себя Сыном Божиим! – Если бы Он был действительно Мессия, то позволил ли бы обходиться с Собою, как с рабом? (Ин. 1,21).**

Преступления Вараввы также могли быть прикрываемы и уменьшаемы.

Наущенная толпа приблизилась к литостротону. **«Итак, кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам, – спросил Пилат, – хотите ли, чтобы я отпустил Царя Иудейского?»**

«Не Его, – раздалось со всех сторон, – не Его, а Варавву!»

В замешательстве мыслей, еще не успев придумать никакого оборота, Пилат как бы нехотя спросил народ: **«Что же мне делать с так называемым Царем Иудейским?»**

«На крест Его, на крест!», – кричала чернь, как будто в самом деле ей предоставлено было право решать все дела.

«Но какое зло сделал Он?»

«На крест, на крест!» – более не было слышно ничего.

«Нет, – отвечал Пилат, раздраженный неудачей и не привыкший терпеть подобных наглостей, – что прежде я сказал, то и будет, наказать Его я накажу, а потом отпущу».

После сего тотчас дано повеление: Варавву освободить, а Иисуса Христа подвергнуть бичеванию. Сим наказанием игемон, как видим, надеялся совершенно удовлетворить лютости врагов Его.

Бичевание, коим Пилат думал заменить смертную казнь, было одним из самых поносных и мучительных наказаний, определяемых у римлян за важные преступления, большей частью, для рабов и тех, кои не имели права «римского гражданина». В иудейских синагогах наказывали розгами, но определенное число ударов было невелико; наказанный не лишался даже чести гражданской. Римляне, напротив, подвергали бичеванию за важные преступления, большей частью, пред совершением смертной казни. Число ударов и прочие подробности не были определены законом и предоставлялись человеколюбию или бесчеловечию воинов, кои у римлян совершали все казни. Бичи делались из веревок или ремней, в которые по местам ввивались острые косяные или металлические палочки. Нередко умирали под бичами.

Насытив свою жестокость, воины перешли от мучений к насмешкам – по обыкновенному в грубых людях сочетанию варварства с увеселением. Для сего на обнаженное, покрытое ранами и кровью тело Господа накинули червленую хламиду – род короткой почетной епанчи, закрывавшей только половину тела, которая застегивалась на правом плече и была в употреблении важными военными людьми (хламида сия была ветхая и негодная к употреблению).

Потом некоторые из воинов для той же цели сделали наскоро венок и надели его на голову Господа. На сплетение сего венца употреблены были тернистые ветви колючего растения.

Теперь недоставало только последнего знака царской власти – скипетра. Вместо него один из воинов вложил в руку Христа палку из тростника. После сего мнимоцарского облачения начались ругательства самые грубые. Падая по одиночке пред Иисусом Христом на колена, говорили: «**Радуйся, Царь Иудейский**». С этими словами каждый воин плевал Господу в лицо, брал у Него из рук трость и ударял Его по голове.

Иисус Христос являлся здесь таким, каким Его провидел за много веков пророк, когда в божественном откровении изрек: «**Яко агнец на заклание ведется, тако не отверзает уст Своих**» (Ис. 53,7).

Увеличивающаяся толпа, по наущению своих вождей, продолжала требовать смерти Узнику. Пилат видел, что самовластие его было зыбко. Оставив литостротон, Пилат вошел в преторию к воинам, дабы видеть, как исполнено его повеление. Увы, оно исполнено было слишком усердно!.. Исполнено так, как, по всей вероятности, не ожидал равнодушный к положению Узника римлянин!.. Взгляд на жалостное положение Узника, Его кроткий вид еще более убедили прокуратора, что если для Подсудимого и неизбежно было какое-то наказание, то Он наказан уже слишком много. Но как спасти Его? – Показать в сем самом виде народу? «Ужели и сей жалостный вид не тронет врагов Его? Особенно тех из Иудеев, кои не имеют к Нему личной ненависти?»

В сих мыслях прокуратор оставляет преторию, повелев следовать за собою Иисусу. «**Вот, – сказал он народу, – я вывожу Его к вам, дабы вы снова знали, что я не нахожу в Нем никакой вины**» (Ин. 19,4).

В то же время и Господь вышел из претории с облитым кровью, полузакрытым багрянницею телом, с колючим венком на голове, которая также была изъязвлена и окровавлена...

«**Се человек!**» – воскликнул Пилат, по-видимому, тронутый жалостным видом Божественного Узника. – (Смотрите, как Он в угодность вам поруган, измучен!)

Слова сии и положение Господа действительно тронули многих из Иудеев. Еще раздалось несколько голосов: «Распять, распять Его!» – но уже не с таким свирепством. Первосвященники, старейшины и книжники заметили это и начали кричать сами вместе с народом (Ин. 19,6). Многочисленная толпа слуг их и приверженцев кричала то же; минуты были самые решительные...

И Пилат начал терять равнодушие судьи. «Ну, – сказал он, – если уже вы так упорны, то возьмите Его и сами распните (если можете); а я еще раз скажу вам, что (по моему образу мыслей и законам римским) не нахожу в сем Человеке никакой вины». Суровый вид прокуратора показывал, что он сдержит свое слово. «Что за нужда, – отвечали первосвященники Пилату, – что ты не находишь Его достойным смерти по

твоим законам: у нас есть свой закон, по коему Он должен быть казнен, ибо выдавал Себя между прочим и за Сына Божия».

Но обвинение сие произвело в Пилате совершенно другое впечатление, нежели какого надеялись враги Господа. Прокуратор, по замечанию Евангелиста Иоанна, услышав сие слово (Ин. 19,8), то есть, что Иисус Христос называл Себя Сыном Божиим, еще более испугался. Прежде сего он опасался осудить невинного человека, праведника, необыкновенного мужа, может быть, любимца богов; теперь страшился произвести приговор над Сыном Божиим, за Которого Бог-Отец Его, кто бы он ни был, должен жестоко отомстить ему, ибо Пилат, как язычник, нисколько не чужд был той веры, что боги иногда в виде человеческого нисходят на землю и рождают полубогов. Такими полубогами почитались у язычников: Геркулес, сын Юпитера и Алкимены; Ромул, сын Марса и Реи Сильвии; Эней, сын Венеры и Анхиза. Ничего невозможного не находил он и в том, чтобы такой полубог явился в Иудее, подвергся узам и предстал его судилищу, ибо языческая религия допускала, что и самые боги принимали иногда вид бедных странников, а полубоги подвергались иногда даже оскорблениям и унижению. Напротив, догадку, не полубог ли находится в его судилище, изъяснялось для Пилата многое, чего он прежде никак не мог решить: и чудный сон жены его в пользу Узника, ей неизвестного, иноверного, и необыкновенные поступки Господа: Его молчание, необыкновенное терпение, высота мыслей и чувствований.

Полный страха и сомнения Пилат входит немедленно в преторию, дав знак следовать за собою Иисусу Христу.

«Откуда Ты?» – был первый вопрос. Не о месте рождения спрашивалось, – ибо Пилат слышал уже, что Господь родился в Галилее, – но о том, какого Он происхождения, от людей ли рожден или от богов? Требовалось, чтобы Господь открыл Свое происхождение, естественное или сверхъестественное.

Если и прежде не трудно было Иисусу Христу преклонить на Свою сторону судию, то теперь еще легче. Несмотря на свой скептицизм, суеверный испуганный язычник как будто готов был верить всему, что бы ни было сказано Узником чудесного о Своем происхождении. Но Иисус – **ответа не даде ему!**... (Ин. 19,9.)

Достоин ли был знать святейшую из тайн суеверный язычник, который спрашивал Господа не по любви к истине, а по страху? Он, решившись положить душу Свою за спасение мира, вместе с сим отрекся от всех сверхъестественных средств к Своему освобождению; Ему угодно было, чтобы Его судили как человека.

Поскольку для Пилата причины, по коим он не получал теперь ответа, были недомыслимы, а для гордости римского всадника такое мол-

чание казалось вовсе не уместным в Узнике, он, желая прервать молчание, с надменностью спросил: **«Как? Ты и мне не ответствуешь? Разве не знаешь, что я имею власть распять и отпустить Тебя?»**

Самохвальство судии не осталось без обличения, которое, без сомнения, столько же казалось необыкновенным для Пилата, сколько было прилично Господу. **«Отвеща Иисус: Не имеши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше: сего ради предавый Мя тебе болий грех имать»** (Ин. 19,11).

Словами: «Более греха на том, кто предал Меня тебе», – освещена пред Пилатом, сколько нужно было для его вразумления, будущая судьба врагов Иисусовых и его собственная.

Совесть римлянина и на сей раз не была глуха. Смелое указание Иисусом Христом на Судию небесного, явный намек на несчастную участь, ожидающую Его гонителей, твердая решимость исполнить Свое великое предназначение, прозрение в тайну совести Пилатовой, кажется, совершенно устранили неблагоприятную перемену мыслей, могшую произойти в последнем, по причине молчания Господа. Посему, по выходе из претории, Пилат, по замечанию святого Иоанна (Ин. 19, 12), не только не переменил прежнего вида защитника невинности Иисусовой, но начал еще усерднее искать средства спасти Его от смерти. Молчание Евангелиста не позволяет сказать решительно, к чему именно обращался прокуратор для достижения сей цели и что говорил первосвященникам.

Как бы то ни было, защита Пилата была так действительна, что первосвященники вынуждены были найти причину обвинения, неотразимую для прокуратора.

«Итак, ты хочешь, – кричали гордо первосвященники, – избавить Его от казни? Но знай, что если ты Его отпустишь свободным, то ты не друг кесарю: всякий, кто называет себя царем, есть противник кесарю» (Ин. 19,12).

При сих неожиданных словах внезапно исчезла вся твердость Пилата...

«Друг кесарев» – было такое наименование, коим гордились первейшие люди в Риме. Сам Ирод Великий почитал себе за особенную честь именоваться и слыть в народе другом Августа.

«Если освободишь Его, то ты враг кесарю», – слова сии, сказанные пред всем народом устами целого синедриона, были ужаснее грома. Из них открывалось, что первосвященники готовы перенести дело на суд кесаря, дабы там обвинять вместе с Иисусом Христом и Пилата как изменника, который не радит о чести и выгодах своего владыки. Для Пилата сии угрозы имели силу, т.к. он не был свободен от проступков, за которые можно было обвинять его пред кесарем.

Тем более, что Рим стонал тогда под железным скипетром Тиверия – чудовища, которое, не имея доверия и жалости даже к родным, питаясь сомнениями и притворством, терзало всякого по самым маловажным подозрениям.

Да и необузданная, наущенная фарисеями толпа становилась час от часу наглее и мятежнее. Свирепый крик ее уже предвещал, что она готова позволить себе все роды насилия.

Подобные мысли могли смутить и не Пилата – человека с не вовсе заглушенной совестью, имеющего понятие о справедливости и некоторое расположение к ней, но с детства привыкшего, по примеру вельмож римских, ставить свою пользу выше нравственности, смотреть не столько на совесть, сколько на обстоятельства, угождение кесарю почитать высшим законом своих действий, казаться справедливым, где можно то делать без вреда для себя, по крайней мере, важного; человека, не знакомого с истинной религией, с лучшими чувствованиями и надеждами рода человеческого.

Чтобы для защищения невинного отказаться всенародно от дружества с кесарем, презреть опасность собственной жизни – для такой высокой жертвы и в язычестве необходим был твердый дух Регула, бескорыстие Цинцинната; но дух Регулов и Цинциннатов давно оставил Капитолий, наполненный льстецами Августа и рабами Тиверия.

Присовокупим еще одну мысль. Если некоторые еще из древних учителей Церкви предполагали, будто Иуда продал своего Учителя в надежде, что Он посредством сверхъестественных сил освободит Себя из рук Своих врагов, то еще основательнее предположить, что Пилат, решившись осудить Иисуса Христа на смерть, вероятно, надеялся при сем, что боги, если Он их сын, не умедлят спасти Его от казни, столь поносной для их божеского достоинства.

Легко понять, каким образом *крик народа и первосвященников* превозмог ослабевшее усилие судии.

Решившись уступить необходимости, Пилат вошел на судейское место для окончания суда. Господь, доселе остававшийся в претории, был выведен на литостротон для слушания приговора. Обвинители также приблизились; место шума заступила тишина: все ожидали, что скажет прокуратор и чем кончится дело, столь необыкновенное.

«**Се Царь ваш!**» – воскликнул невольно Пилат при взгляде на Того, Которого надлежало теперь, вопреки совести и желанию, осудить на смерть.

«Распять, распять Его!» – закричала буйная толпа, желая прекратить зрелище и для нее нелегкое.

«Как? Царя вашего распять?..»

«Распятъ, распятъ Его!»

«У нас нет, – присовокупили первосвященники, – царя, кроме кесаря».

Не так говорили они в синагогах своих; там всего чаще повторяли: «У нас нет другого царя, кроме Бога». Притом все ожидали царя – Мессию, все надеялись, что он свергнет иго кесаря; о сем молились в храмах, в домах и на пути, старцы и дети, утром, в полдень и вечером. И между тем для погубления Иисуса целый синедрион пред всем народом не устыдился признать себя законным рабом кесаря, коего ненавидел.

Теперь надлежало произнести приговор «на праведника, любимца, может быть, сына богов». Мысль сия все еще была слишком тяжела для римлянина. В таком случае ищут какой бы то ни было опоры своей совести. Пилат, к сожалению, скоро нашел ее. У иудеев было обыкновение, обратившееся даже в закон, что если находили где-либо мертвое тело, то старейшины ближайшего города должны были над головою юницы омыwać руки, говоря: **«Руки наши не проливали сей крови, и глаза наши не видали убийства»** (Втор. 21,6). Пилат, прожив немалое время в Иудее, знал о сем обыкновении, подобное коему было и у язычников, которые в знак своей невинности и для очищения себя от грехов, также употребляли омовение. Бедный мужеством и слабым совестью, судья-язычник решился всенародно обратиться к сему обряду, который, доставляя некоторое успокоение его совести, был полезен теперь и тем, что стоящие в отдалении иудеи, которым за шумом не слышны были слова Пилата, могли из омовения судьей рук заключить, что он осуждает Иисуса Христа против воли.

«Я не повинен, – воскликнул Пилат, омывая руки, – я не повинен в крови Праведника Его! Смотрите вы! Вы принуждаете меня пролить ее: вам должно будет и отвечать за нее!»

Слова сии не могли быть произнесены иначе, как с самым глубоким и горьким чувством. Это был единственный в истории случай, что римский судья выражал с такой силой уверенность свою в невинности осуждаемого им на смерть узника. Если бы прокуратор не был сильно растроган, то одно самолюбие заставило бы его произнести приговор как можно короче, дабы не подать вида, что его к тому принуждают.

Буйный народ, несмотря на разъяренность свою, понял, чего хотелось прокуратору и каково состояние души его. Как бы желая пристыдить или ободрить малодушие прокуратора, все закричали: **«Кровь Его на нас и на чадах наших!»**...

Слова сии, ужасные сами по себе, представляются еще ужаснее, когда вспомним, что Иудеи, согласно учению пророков, твердо верили, что Бог за преступление родоначальников наказывает все

их потомство. То есть теперь они сами прорекли проклятие себе и детям своим.

Наконец земной судия, **видя, яко ничтоже успеваѣт, но паче молва** (возмущение народное) **бываѣт**, произнес смертный приговор на Судию живых и мертвых.

Приговор сей, по обыкновению римского суда, состоял из кратких слов, что *такой-то за такое-то преступление осуждается на такую-то казнь.*

Заметим еще, что Пилат незаконным осуждением Иисуса Христа на смерть не избег опасности, которой страшился. Через четыре года после сего он вызван в Рим к суду вследствие жалоб, принесенных Иудеями, и, не имея возможности оправдаться, заточен в Вену, где погиб от самоубийства.

Участь другого судии Иисусова, Ирода Антипы, была немного лучше Пилатовой. Подстрекаемый властолюбивой Иродией, он вместо тетрархии Галилейской начал домогаться в Риме царского достоинства над всей Иудеей, желая владеть ею нераздельно, по примеру отца своего, Ирода Великого. Но это домогательство приняло такой несчастный оборот, что Антипа вместо венца царского сослан был в ссылку, в Лион, где окончил жизнь свою в нищете и безвестности. Жена Пилата, Прокула, впоследствии приняла Крещение и, по Преданию, находится в числе святых по греческим спискам.

(Думается, что некоторым образом становится понятным, почему имя Пилата Понтийского – человека не святого – внесено в Символ веры.)

Крестная казнь, на которую осужден был Иисус Христос, принадлежит к изобретениям бесчеловечным, коим и прославились восточные деспоты, и составляла последнюю в ряду казней самых ужасных. С Востока она перешла в Рим и следовала за победителями света всюду, доколе не была уничтожена Константином Великим. У евреев крестной казни не было: за некоторые преступления закон повелевал вешать на дереве преступников, но их не прибывали гвоздями, и трупы при наступлении вечера надлежало снимать для погребения. В самом Риме распинали только рабов, которые там едва почитались за людей. Преступник сам должен был нести свой крест до места казни, подвергаясь все сие время насмешкам и побоям. Крест ставили прежде, а потом уже пригвождали к нему преступника; отсюда выражения – *восходить, быть подняту, вознесу на крест.* Погребения для распятых не было.

Мучения распятых были ужасны. Надобно вообразить неестественное положение тела с простертыми вверх, пригвожденными руками, причем малейшее движение, необходимое для жизни, сопровождалось новой, нестер-

пимой болью. Тяжесть повисшего тела отчасу более раздирала язвы рук, кои поминутно становились острее и жгучее. Кровь, лишившись естественного круговращения, устремлялась к голове и сердцу, производя в первой кружение, а в последнем томление, мучительнейшее самой смерти. Несчастный стонал в муках нередко до трех, а иногда до шести и более дней. Чаша с умерщвляющим напитком была бы величайшим благодеянием в сравнении с крестной казнью.

Возможно ли (так думали многие), чтобы Мессия подвергся такой участи? *«О, проклят всяк, висий на древе!»*

Итак, Иисус Христос после осуждения Его немедленно был предан воинам, кои у римлян совершали все казни. Первым делом их было снять с Него багряницу и одеть Его в собственную Его одежду: сего требовал обычай и, может быть, жалость. Молчание Евангелистов не позволяет сказать решительно: был ли снят при сем и терновый венец или оставался на голове Господа до снятия Его Самого со креста. Впрочем, древнее обыкновение изображать Иисуса Христа на кресте в терновом венце имеет вид исторического предания. В подтверждение его можно сказать, что распинатели имели достаточное побуждение оставить венец на главе Господа, так как, по их образу мыслей о Нем, он был весьма кстати, выражая то же самое, о чем говорила надпись.

Потом воины, следуя обыкновению, возложили на Иисуса Христа крест, и повели Его за город, где производились казни. Для такого шествия обыкновенно избирались главнейшие улицы, и оно с намерением делалось как можно продолжительнее; но теперь краткость времени не позволяла ни малейшей медленности, ибо до пасхального вечера оставалось немного часов.

Когда приблизились к городским воротам, Иисус Христос изнемог до того, что не в силах был далее нести Своего креста и, как говорит древнее предание, преклонился под ним. Человеколюбие ли римского сотника, распорядившегося казнью, или бесчеловечие Иудеев, опасавшихся, что жертва их злобы может умереть до казни, были причиною, только воины решились облегчить участь Иисуса и, вопреки обыкновению, возложить Его крест на другого. Провидение не умедлило послать для сего человека, некоего Симона, родом или прозванием Киринейского, который, возвращаясь из села, встретил стражу, ведущую Иисуса, при самом выходе ее из города. Воины тотчас захватили его и заставили нести крест Иисусов. Поручение тягостное и, при настоящих обстоятельствах, чрезвычайно бесчестное; а посему весьма вероятно догадка некоторых, что Симон был из числа последователей Иисуса Христа и при встрече с Ним обнаружил какой-то знак сострадания, вследствие чего воины сами или по внушению Иудеев решились возложить на него крест. По крайней мере, три Евангелиста (Мф. 27,32; Мк. 15,21; Лк.

23, 26) не без причины почли нужным предать потомству имя и род человека, который нес крест Господа, и сей причины должно искать в том, что Симон нес крест не по одному принуждению, а и с любовью к Распятому на нем; или в том, что он впоследствии, по крайней мере, совершенно узнал цену креста Иисусова и носил его уже до конца своей жизни. Св. Марк упоминает еще, что Симон был отцом Александра и Руфа. Это два человека, которые, по крайней мере, во время написания Маркова Евангелия, принадлежали к числу христиан и были всем известны по своим добродетелям, иначе упоминание о них не имело бы никакой цели. Руф сей, должно думать, есть тот самый, коего апостол Павел в Послании к Римлянам (16, 13) называет *избранным в Господе* и коего память он столько уважал, что мать его именовал своею матерью. Такого семейства был главою Симон, удостоенный Провидением высочайшей и единственной чести – разделить с Господом тяжесть Его собственного креста!..

Наконец достигли Голгофы, или лобного места. Так называлась одна из горных северо-западных возвышенностей, окружающих Иерусалим, на коей производились казни и которая с сих пор должна была соделаться самым священным местом на земном шаре. Древнее предание Иудейской церкви утверждало, что на сей горе погребена была глава Адама; и вот над сею главою должна была пролиться теперь очистительная кровь Адама второго (отсюда и обыкновение изображать под крестом главу и крест). Здесь же Авраам поднял жертвенный нож на своего единокровного Исаака; и вот теперь над Единородным Сыном Божиим имело на самом деле совершиться то, что в Исааке послужило токмо к преобразованию будущего.

Между тем как воины ставили и укрепляли кресты, Иисусу Христу дано было, по древнему обычаю, питье, состоящее из вина, смешанного со смирною. Такое смешение, производя помрачение рассудка, делало не столь чувствительными страдания распятых. Судя по тому, что в числе последователей Иисуса Христа было довольно людей весьма богатых и усердных, надлежало ожидать, что питье, Ему поднесенное, будет приятно, по крайней мере, не отвратительно; между тем оно было горько, как желчь, и кисло, как уксус. Обстоятельство сие заставляет думать, что сим питием распорядились враги Иисуса Христа и что мирра и вино употреблены были самые худые.

Не была ли даже употреблена при сем случае настоящая желчь и уксус? И вино могло быть названо уксусом, по сильной его кислоте, и мирра желчью, потому что она весьма горька.

Господь принял в руки чашу с питием, но, отведав, отдал назад. Питье, омрачающее чувства, было недостойно Того, Кто един за всех пил чашу гнева Божия.

Когда кресты были утверждены в земле, воины, следуя обыкновению, сняли с Иисуса всю одежду, взяли тело Его, приподняли на крест, распростерли руки и начали их прибавать к дереву гвоздями. Поток крови полился на землю...

Вместо воплей и стонов Распинаемого из Его уст слышалось другое: **«Отче, прости им! Не ведают бо, что творят».**

По совершении казни над главами распятых по обыкновению прибиты были выбеленные дощечки, на коих изображалось их имя и преступление. Над главою Господа, вместо изъяснения вины, сверх чаяния, увидели следующие двусмысленные слова: *«Иисус Назорянин, Царь Иудейский».* Притом надпись сия была на Латинском, Греческом и Иудейском. Так поступлено было с особенным намерением, по приказанию самого Пилата. Судя по надписи, каждый гораздо скорее мог подумать, что это действительный царь Иудейский. Три языка в надписи – некая торжественность – еще более располагали думать, что Распятый есть важное политическое лицо, а, следовательно, подвергали гордый синедрион еще большему осмеянию.

Вскоре после распятия Господа среди ясного полдня небо вдруг покрылось мраком. Мрак сей походил на солнечное затмение, впрочем, несколько не был его следствием, т.к. Пасха иудейская всегда совершалась во время полнолуния, когда луна не может находиться между землей и солнцем, от чего происходят солнечные затмения. По мнению Златоуста, Феофилакта и Евфимия, мрак во время распятия Иисуса Христа происходил от сгущения облаков, произведенного сверхъестественной силой.

Необыкновенное помрачение воздуха, последовавшее за распятием Господа, должно было заключить хульные уста врагов Его и произвести в них впечатление самое мрачное. Если они не почитали сего явления следствием бесчеловечия, оказанного Праведнику, то, сообразно господствовавшим понятиям, не могли не видеть в нем предвестия общественных бедствий, тем более печального и ужасного, что оно случилось в день праздника самого светлого. Особенно тьма могла просветить многих из Иудеев, когда увидели, что, начавшись с распятием Иисуса Христа, она окончилась с Его жизнью, потому что обстоятельство сие яснейшим образом показывало, что естественным, по-видимому, событием управляет сила сверхъестественная, Божия, и что свет мира стихийного померк потому, что на кресте угасал Свет мира духовного.

Для почитателей Иисуса Христа помрачение воздуха и произведенная им тишина в природе были благоприятным случаем приблизиться ко кресту. Это были, по свидетельству Евангелистов, все знакомые Господу. В частности: многие жены Галилейские, Саломия, жена Зеведея, мать Иакова и Иоанна, Мария Магдалина, Мария, сестра Богоматери,

мать Клеопы, Иакова и Иосии, Иоанн, ученик и друг Иисусов, Мать Господа.

Богоматерь, св. Иоанн, Мария Клеопова и Мария Магдалина, презирая страх и опасность, подошли так близко, что Господь не только мог видеть их, но и говорить с ними (Ин. 19,25). Ужасный вид для сердца матери! Дружелюбное сердце Иоанново также терзалось печалью.

Впрочем, Евангелисты не говорят, чтобы Мать Господа и друзья Его рыдали. Самая горесть их была выше слез: кто может плакать, тот еще не проникнут силою всей скорби, к какой способно сердце человеческое.

И для Иисуса Христа взгляд на Мать был новым мучением. Переходя непрестанно из одной страны в другую для проповеди, Он не мог исполнять домашних обязанностей сына, продолжал, однако же, быть надеждою и утешением Своей Матери даже в земном отношении. Теперь Мария оставалась Матерью уже не Иисуса, всеми любимого, уважаемого, Коего страшился сам синедрион, Который составлял предмет надежд для всего Израиля, – а Иисуса, всеми оставленного, поруганного, окончившего жизнь на Голгофе, вместе со злодеями!..

Надлежало преподать какое-либо утешение, однако же, так, чтобы оно не подвергло утешаемой преследованию врагов, из коих многие находились еще у креста. Каких бы не позволили они себе дерзостей, если бы узнали, что между ними находится Мать Иисуса! Господь не употребил сего наименования.

«Жено, – сказал Он Матери, – се сын твой». Взгляд на Иоанна объяснил сии слова. Потом, указуя взором на Мать, сказал Иоанну: **«Гемати твоя»** (Ин. 19,26-27). И с этого времени, как повествует Евангелие, Иоанн принял Богоматерь в дом свой и заботился о Ней до конца дней Ее.

Между тем, силы Божественного Страдальца на кресте угасали вместе с жизнью... Угасающий взор все еще стремился к небу, но оно было мрачно.

«Елон, Елон, лама савахвани! (Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставил?)» Ответа не было... **Он заключался в наших грехах: Господь, по замечанию св. Киприана, для того спросил Отца, дабы мы всегда вопрошали самих себя и познали свои грехи.**

К прочим мучениям Господа присоединялась и мучительная жажда, следствие великой потери крови, – предвестница в распятых близкой смерти. Изнемогая от нового мучения, Божественный Страдалец воскликнул: **«Жажду!...»**

Жалобный вопль сей тронул одного из воинов. Он тотчас напоил уксусом губку и, воткнув на иссоповую трость, приложил ее к устам

Иисуса... Сотник не препятствовал человеколюбию подчиненного, будучи готов позволить и более, потому что распятый Праведник час от часу возбуждал его внимание и уважение.

Вкусив несколько прохладительного питья, Господь паки воскликнул громко: «**Совершишася!**» Это был последний предел судеб Божиих. Господь, видя, что совершилось и что оставалось еще претерпеть для блага человечества, видя, наконец, исполнение всех великих судеб Божиих, и, как победитель, который «**истоптал уже точило ярости Божией**» (Ис. 63,2), возведши взор к небу, сказал: «**Отче, в руки Твои предаю дух Мой!...**» При сих Божественных словах глава Его преклонилась (как обыкновенно бывает с умирающими), и Он «**испустил дух**» (Ин. 19,30; Лк. 23,46).

Так окончилась жизнь, коей подобной другой не было и не будет на земле!

Одна только вечность раскроет вполне то, что совершилось теперь на малом холме Голгофском. Апостол Павел говорит, что на кресте расторгнуто рукописание грехов человеческих (Кол. 2, 13-14): оно расторгнуто в ту самую минуту, как Господь изрек: «**Совершишася!**»

Чудесные знамения с их последствиями

Доколе Богочеловек оставался в живых, природа как бы не хотела возмущать последних минут Его необыкновенными явлениями и страдала с Господом своим безмолвно, одно только солнце, по выражению Златоуста, не могло освещать позорище бесчеловечия. Но едва Господь предал дух Свой в руки Отца, открылся ряд знамений, которые всему миру показали, что один из крестов, стоящих теперь на Голгофе, несравненно святее храма Иерусалимского.

Первым знамением было землетрясение, столь сильное, что многие из каменных скал, коими наполнена Иудея, расселись и гробницы, в них заключавшиеся, открылись. Только великий Правитель мира, повелевающий земле *трястися*, мог повелеть ей сотрястись в ту самую минуту, когда Иисус Христос предавал дух Свой.

Страшное само по себе землетрясение было еще страшнее, если подземные удары (как должно предполагать) последовали вдруг за смертью Иисуса Христа. Заколебавшиеся от землетрясения кресты должны представлять в это время самое разительное зрелище: издали могло казаться, что распятые силятся сойти со крестов.

Непобедимая сила креста не остановилась на трепещущей земле, проникла в храм Иерусалимский и произвела явление, из которого *для имеющих очи видеть* весьма ясно открывалось, что Мессия, ожидаемый

народом Иудейским, уже пришел. **Внутренняя завеса храма, отделявшая Святое Святых от Святыни, внезапно расторглась теперь с верхнего края до самого низу (так что ковчег завета, херувимы, жезл Аарона, скрижали завета, кувшин с манной, хранившиеся во Святом Святых, коих никому не позволено было видеть под опасением смерти, теперь, по необходимости, были видимы для каждого находившегося в храме священника).**

Чтобы вполне понять внутреннее отношение сего события к смерти Мессии и то действие, которое оно могло иметь на умы Иудеев, должно привести на память состав храма Иерусалимского, образ мыслей Иудеев о храме и Мессии и вообще дух религии Моисеевой.

Святое Святых было последнею из трех частей храма, неприступною для самых священников, коим позволялось входить только во *Святое* (вторую часть), и в мнении Иудеев означало небо, где обитает Сам Бог. Завеса, отделявшая Святое Святых, состоя из ткани всех возможных цветов, по сказанию Флавия, изображала собою весь мир и поднималась для одного первосвященника не более как однажды в год, в день *очищения*, когда он с кровью тельца, закланного за грехи всего народа, являлся самому лицу Божию (Евр. 9,7). Над ковчегом завета предполагалось невидимое обитание Иеговы, Который как Царь народа Еврейского, избранного Им в особенное достояние, открывал иногда с этого места волю Свою. В сем отделении храма вовсе не было света: символ непостижимости Иеговы, Который еще Моисею сказал, что человек не может видеть лица Его, не подвергаясь смерти (Исх. 33,20). Посему-то вход во Святое Святых, исключая первосвященников, возбранен был всякому, под опасением смертной казни.

С другой стороны, Иудеи ожидали, что Мессия искупит народ Израильский от всех грехов, так что не нужно более будет никаких жертв (Лк. 1,76-77), почему, кроме других имен, и называли Его великим первосвященником. Верили также, что Мессия *откроет лице Иеговы*: объяснит все сомнения касательно религии, установит новое, лучшее богослужение; что устройство храма при сем или переменится, или вовсе уничтожится, ибо Он Сам будет *вместо храма, а плоть Его* вместо завесы.

Итак, разодранная рукою Самого Бога завеса и открытое Его невидимую силою Святое Святых являли всем, особенно священникам, что Бог не благоволит более *обитать во мгле* (Евр. 8,5-6), не хочет уже быть чтимым так, как Его чтили дотолде – кровию козлов и тельцов (Евр. 10,4-5 и 7), что истинная, единая жертва – Агнца Божия, вземлющего грехи мира, принесена уже на Голгофе за весь мир, вследствие чего неприступный престол страшного Иеговы должен сделаться престолом

благодати, приступным для всякого (Евр. 10,29; 7,19-20).

(Свт. Иннокентий, архиепископ Херсонский. Последние дни земной жизни Иисуса Христа).

Каким образом крестная смерть Иисуса Христа избавляет нас от греха, проклятия и смерти, Священное Писание объясняет нам это через сравнение Иисуса Христа с Адамом. Адам есть глава всего человечества в естественном отношении, так как от него произошли все люди; Иисус Христос, как основатель благодатного царства, есть глава всего человечества в духовном отношении. Через Адама все люди подверглись греху, проклятию и смерти, через Иисуса Христа все истинно верующие в Него освобождаются от рабства греха и последствий его. Принесши Себя в жертву за людей, Иисус Христос, как Богочеловек, вполне удовлетворил правосудию Божию за грехи всего мира. Приняв на Себя проклятие и смерть, Он не только освободил от них верующих в Него, но и обновил самую природу их, сообщив им новую, благодатную жизнь и все дары Святого Духа.

Поэтому апостол говорит, что плоды искупления, совершенного Иисусом Христом, несравненно выше последствий греха и осуждения: **«Если преступлением одного (т.е. Адама) смерть царствовала посредством одного, то тем более приемлющие обилие благодати и дар праведности (т.е. верующие во Христа) будут царствовать в жизни посредством единого Иисуса Христа»** (Рим. 5,17), т.е. если смерть, вошедшая в мир через грех первого человека, сделалась господствующей между людьми, то тем более благодатная жизнь, получаемая через веру в Сына Божия, делается господствующей между верующими, так как Спаситель мира, лицо Божественное, бесконечно выше человека, а, следовательно, и плоды искупления, совершенного Им, несравненно выше последствий греха человеческого.

Священное Писание ясно свидетельствует об избавлении верующих в Иисуса Христа от греха, проклятия и смерти через Его крестную смерть.

Так, об избавлении от греха апостол говорит: **«В Нем, или через Него (т.е. Иисуса Христа), мы имеем искупление кровью Его, прощение грехов, по богатству благодати Его»** (Ефес. 1,7).

Об избавлении от проклятия: «**Христос искупил нас от клятвы** (т.е. от проклятия) **закона, сделавшись за нас клятвою**» (т.е. приняв на себя проклятие) (Гал. 3,13). Здесь под законом разумеется закон «Моисеев», подвергавший проклятию тех, которые не исполняли всех постановлений Его (Гал. 3,10; Втор. 27,26). А так как никто не мог совершенно исполнять всех предписаний закона, то все люди находились под проклятием его. Это проклятие Спаситель мира принял на Себя, благоволив претерпеть за людей «крестную» смерть, так как, по определению самого закона, каждый умирающий крестною смертью, подлежал проклятию: «**проклят всяк висящий на древе**» (Втор. 21,23). Здесь между прочим заключается причина того, почему Сыну Божию угодно было, для спасения мира, претерпеть именно «крестную» смерть.

Об избавлении от смерти: «**Поелику дети причастны плоти и крови, то и Он (т.е. Спаситель мира) также воспринял оныя, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, т.е. диавола, и избавить тех, которые от страха смерти чрез всю свою жизнь были подвержены рабству (греха)**» (Евр. 2,14-15). Здесь под детьми разумеются вообще все люди, как рождающиеся в младенческом состоянии. Под плотью и кровью разумеется человеческое тело, состоящее из плоти и крови. Это смертное тело, какое все люди получают от рождения, воспринял на Себя и Христос, чтобы телесною смертью Своею сокрушить имеющего силу смерти диавола и спасти от греховного рабства тех, которые всю жизнь находились в этом рабстве.

Иисус Христос со своей стороны пострадал за всех людей, но Его страдания могут быть спасительны только для тех, которые сами добровольно принимают участие в Его страданиях и стараются усвоить себе спасение, приобретенное им, **сообразуя смерти Его** (Фил. 3,10). Что Иисус Христос со Своей стороны принес Себя в жертву «за всех», об этом ясно свидетельствует Священное Писание. Так, апостол Иоанн говорит: «**Той очищение есть о гресех наших, не о них же точию, но и всего мира**» (1 Ин. 2,2). Апостол Павел тоже говорит: «**Христос за всех умре**» (2 Кор. 5,15). Но чтобы смерть Христова была спасительна для всех, необходимо каждому из людей сообразоваться с нею в жизни своей, т.е. терпеливо переносить все несчастья и страдания и

быть готовым за истинную веру в Бога и во Христа пожертвовать самую жизнь свою, если это необходимо.

Участвовать в страданиях Иисуса Христа мы можем и должны:

Во-первых, через веру в Его страдания.

Во-вторых, через участие в таинствах, установленных Им. (Через таинства, установленные Иисусом Христом, сообщается верующим в Него благодать Божия, а она исходатайствована для верующих у Бога Отца крестными страданиями Сына Божия. Поэтому значение таинств основано на силе спасительных страданий и смерти Иисуса Христа. Следовательно, верующий, участвуя в таинствах, воспоминает при этом и самые страдания и смерть Христову, от которых зависят сила и значение их.)

В-третьих, через борьбу со своими страстями. Верующий, вступая в церковь Христову через крещение, вместе с тем принимает участие и в страданиях Иисуса Христа, признавая их спасительными для себя и других людей; через прочие таинства, принимаемые с верою, благодатная жизнь в нем сохраняется и поддерживается. При этом необходимо стараться побеждать в себе порочные наклонности или страсти, а эта победа возможна для человека только при живой вере в Крест Христов, которая может поддерживать и укреплять человека.

«Те, которые Христовы, – говорит апостол, – распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5,24), (т.е. победили в себе страсти и похоти). И действительно, истинные последователи Христовы не могут допускать, чтобы в них образовывалась какая-либо страсть или похоть. Если и рождаются в них порочные мысли или желания, то они стараются всеми силами подавить их в себе. Распинать или побеждать в себе страсти и похоти возможно только через усиленное воздержание от них, через постоянную борьбу с ними. Так, чтобы победить в себе страсть гнева, необходимо поступать вопреки этой страсти, бороться с нею. При этом нужно представлять себе пример Самого Спасителя, Который не только не делал зла Своим врагам, но и на самом кресте молился Богу Отцу о прощении их.

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12,24).

В Святом Евангелии сокрыты тайны, на постижение которых даже у святых уходят годы. Так, святитель Игнатий указывает, что

тайна Креста Господня открывается подвижнику у врат святости. Почему Христос вышел на проповедь в тридцатилетнем возрасте? Почему Он проповедовал три с половиной года, а не год, не пять, не семь лет? Где находилась душа Спасителя, когда Его святое Тело три дня пребывало во гробе? Отсутствие в Слове Божием информации о годах юности Иисуса Христа до сих пор вызывает брожение умов в кругу нецерковной интеллигенции.

«**Аз семь путь и истина и живот**» (Ин. 14,6). Земной путь Спасителя открывает основные этапы человеческой жизни, через которые проходит всякая душа, следующая за Господом.

Проследим эти этапы:

1. Иисус Христос рождается не в гордом Иерусалиме, не в центре вселенной (Иерусалим – город мира), а в маленьком бедном его предместье – Вифлееме. Рождается в грязной пещере, в яслях для скота, потому что среди благополучных людей для Него не нашлось места. Точно так же Бог не может войти в душу благополучную, гордую в своей праведности. Он поселяется в душе «нищей духом», в грязи человеческого сердца, полного скотских страстей, но ищущего спасения и чистоты.

2. Младенчество, детство и юность пробудившейся к Богу души, подобно отрочеству Христа, проходят под покровом тайны.

3. Не случайно Господь начинает учительствовать в тридцатилетнем возрасте. В Израиле тридцать лет – возраст совершеннолетия, возраст священства. Однако почему именно три с половиной года проповедует Христос? Три с половиной года – это срок не для иудеев и язычников, это внутренний предел, к которому приближалась человеческая природа Иисуса Христа. С самого начала, с самой первой своей проповеди Спаситель медленно приближается к Иерусалиму, к Гефсиманскому саду на Елеонской горе, где должен закончиться еще один этап Его жизни. Его человеческая природа на этом пути, постепенно «возрастая от силы в силу», формируется и взрослеет. В ночь с Великого Четвертка на Великий Пяток Иисус молится с учениками в Гефсиманском саду: «**Отче Мой! Если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты**» (Мф. 26,39). В тот момент, когда Иуда с воинами и вооруженным народом приходит на Елеонскую гору, человеческая воля во Христе входит в полное послушание Воле Божественной, и Он выступает навстречу Своей

смерти: **«Спите прочее и почивайте: се прикликнется час, и Бын Человеческий предается в руки грешников: встаните, идем: се приблизится предавая Мья»** (Мф. 26, 45-46).

4. Немедленно после этого Его хватают и предают на мучения и крестную смерть.

5. Где был Христос три дня с пятницы по воскресенье – остается тайной, которую отцы называли «субботствованием». Святая Церковь так исповедует эту тайну: **«Во гробе плотски, во аде же с душою яко Бог, в Раи же с разбойником, и на Престоле был еси Христе Боже со Отцем и Духом вся исполняяй Неописанный»**.

Иисус Христос по человечеству был мертв три дня: с девятого часа по полудне до часа двенадцатого пятницы по иерусалимскому времени, что соответствует нашим пятнадцатому и восемнадцатому часам. Согласно древнему времяисчислению, иудейские сутки начинались с вечера в восемнадцать часов: **«И был вечер и было утро: день один»** (Быт. 1,5). Затем полностью субботу, и шесть часов первого дня воскресенья с восемнадцати до двадцати четырех. Всего – тридцать три часа. Однако это означает три дня – пятницу, субботу и воскресение.

6. В первый день недели из гроба воскресает обоженное человеческое естество, просветленное Фаворским светом Божественной Благодати, чтобы открыть врата Рая и вознести человечество на Небеса.

Таковы этапы жизни Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, через которые проходят души, ищущие спасения.

«Господь и Спаситель, Подвигположник наш все дни земной жизни Своей видел смерть пред собой, но в саду Гефсиманском, во время молитвенного борения, Он окончательно победил ее человечеством; страдания и смерть крестные делом совершили то, что там изречено. За этим следовало тридневное субботствование, пред славным воскресением. Этот путь проходят все души, пошедшие вслед Господу. Первый шаг при сем есть самоотвержение, но в каких бы малых начатках оно ни было, в нем всегда есть своя доля готовности на смерть. Затем растет самоотвержение, растет и сия готовность, или сия готовность есть душа самоотвержения. Кто дойдет до такой степени готовности, какая была у Спасителя в саду, тому пред-

лежит тотчас восхождение в духе на крест, и затем субботствование духовное, за которым следует и духовное воскресение во славе Господа Иисуса» (Добротолюбие, т. 1, стр. 14).

Эту мысль прекрасно подтверждает жизнь преподобного Антония Великого – удивительного святого III века.

Рождение и младенчество души святого Антония произошло в детстве. Тихий, добрый нрав, склонность к уединению сохранили его от детских забав и шалостей. Его держали в доме на глазах православных родителей, которые блюли его как зеницу ока. Так и вырос он в этом отрешении от людей, выходя из дома только в церковь. При такой жизни Благодать Божия, полученная при крещении, свободно действовала на созидание детского духа Антония.

Однако совершеннолетие его души произошло уже после смерти родителей, когда однажды он вошел в церковь и услышал слова Евангелия:

«Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною» (Мф. 19, 21).

И другое: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6, 34).

С этого момента он решается «решимостью нераскаянною» и, все раздав, удаляется в пещеру невдалеке от своего селения. Там стал проводить он иноческую жизнь в подражание и послушание подвижникам. Как мудрая пчела, отовсюду собирал себе Антоний духовный мед, слагая его в сердце свое, как в улей. У одного перенимал он воздержание в пище, у другого спание на голой земле, продолжительное бдение, у третьего научался трудолюбию и терпению. С ростом опытности росло и мужество св. Антония, формировалась его воля к добру.

«Однажды Антонию явился враг в виде малого отрока – черного, и с притворным унижением говорит св. Антонию: «Победил ты меня», – полагая, что тот, отнесший победу себе, возмечтает много о себе и тем прогневает Бога, ему помогающему. Но св. Антоний спросил его: «Ты же кто такой?» Тот ответил: «Я дух блуда, на котором лежит возбуждать разжжение похоти и ввергать в плотской грех. Многих, давших обет целомудрия, обольстил я; многих, долгое время умерщвлявших плоть свою, довел до падения; но тобой все мои

сети порваны, стрелы поломаны, – и я низложен». Тогда св. Антоний, благодаря Бога, Спасителя своего, воззвал: «Господь мне помощник, и аз воззрю на враги моя» (Пс. 117, 7), и затем небоязненно посмотрев на врага, сказал: «Черным попустил тебя Бог мой явиться ко мне в показание черноты твоих злоумышлений, – и отроком в обличении твоего бессилия. Потому и достоин ты всякого презрения». От этих слов дух этот, как огнем палимый, бежал и уже не приближался более к св. Антонию (Добротолубие, т. 1).

Победа над страстями приближает к бесстрастью, возрастающее бесстрастие приносит с собой и мир душевный. Мир душевный со сладостными ощущениями, подаваемыми молитвой и богомыслием, возбуждает в сердце духовную теплоту, которая, собирая в себе все силы духа, души и тела, вводит человека внутрь, где водворившись, он ощущает неотразимую потребность быть одному с единым Богом. Это есть вторая ступень духовного делания. К ней-то и подошел святой Антоний.

До этого времени он был больше один. Его посещал друг из села, да и сам он выходил то к старцам, то в сельскую церковь на богослужение. Дух св. Антония начал требовать полного уединения, предстояния «внутри пред Богом».

Все реже и реже стал выходить из пещеры св. Антоний, все больше и больше приближался он к своему Гефсиманскому Саду.

Однажды бесы явно напали на подвижника и страшно его избили. Очнувшись в притворе церкви в селении и еще едва дыша, Антоний сказал своему другу: «Несите меня обратно».

Дьявол стал опасаться, что Антоний со временем вооружится против него пустынным подвижничеством: собрав демонов, он, по попущению Божию, подверг его таким ужасным побоям, что блаженный лежал после недвижимым и безгласным, о чем впоследствии он сам много раз рассказывал; причиненные ему мучения превосходили всякие человеческие страдания. Спустя несколько дней к Антонию пришел упомянутый ранее знакомый его, неся обычную пищу. Открыв двери и увидев его мертвым лежащим на земле, он поднял его и принес его в свое селение. К Антонию собрались соседи и сродники и с великою скорбью стали совершать над ним как над умершим уже заупокойную службу. Но в полночь, когда все крепко заснуло от утомления, Антоний стал приходить понемногу в себя, вздохнув и приподняв голову, он заметил, что не спит лишь тот, кто принес его сюда.

Подозвав его к себе, он стал просить его, чтобы тот, не будя никого, отнес его на прежнее место, что и было исполнено, и Антоний снова стал жить в уединении. Не имея сил, по причине ран, стоять на ногах, он молился лежа ниц, и после молитвы громко воскликнул: «Бесы, вот я Антоний, здесь. Не избегаю я борьбы с вами; найдите, что если сделаете что-либо больше прежнего, ничто не может отлучить меня от любви ко Христу».

«Восстаните, идем; се приблизился предай МЯ!» Эти слова показали готовность Антония идти на смерть за Христа.

За этим тотчас последовало его удаление в дальнюю пустыню и 20-летнее пребывание в безмолвии – как его распятие и субботствование в духе.

«Вдруг раздался такой гром, что место это поколебалось в самом основании и стены рассыпались; и тотчас сюда ворвалось и заполнило жилище Антония множество демонов, явившихся в виде призраков львов, волков, аспидов, змей, скорпионов, рысей и медведей, и каждый из этих призраков обнаруживал свою ярость, соответственным его виду способом... Антоний, поражаемый и терзаемый ими, переносил мучительнейшие страдания, но не впал в страх и сохранил бодрость и ясность ума. Хотя телесные раны и причиняли ему боль, но, оставаясь непоколебимым в душе, он как бы глумился над врагами и говорил: «Если бы у вас было сколько-нибудь силы, то для борьбы со мной достаточно было и одного из вас. Но так как Господь отнял у вас силы, то вы и пытаетесь устрашить своею многочисленностью; уже одно то служит очевидным знаком вашей слабости, что вы приняли на себя образы неразумных животных».

Подняв кверху свой взор, Антоний увидел, что свод гробницы раскрылся над ним, и к нему нисходит, рассеивая тьму, светлый луч. С появлением света демонов не осталось ни одного, телесная боль мгновенно утихла, гробница же, которая распалась при появлении демонов, снова оказалась невредимою. Глубоко от сердца вздохнув, блаженный воскликнул с лицом, обращенным к озарявшему его свету: «Где Ты был, милосердный Иисусе? Где был Ты и почему с самого начала не явился исцелить мои раны?»

И был к нему голос: «Антоний, Я был здесь, но ждал, желая видеть твое мужество».

Блаженному Антонию было тогда тридцать пять лет.

Антоний бесстрашно отправился один в далекий путь к неизвестной среди монахов горе в пустыне.

Через двадцать лет в мир вернулся иной Антоний – Великий, умерший для мира и воскресший в духе. Антоний, положивший начало всему уединенному православному подвижничеству, жизнью своею представляющий идеал такого рода Богоугождения, и одновременно путь, которым всякая душа, если захочет, должна идти к высшему совершенству, подаваемому христианством.

ДОМАШНЕЕ ЗАДАНИЕ К 10-му УРОКУ

1. Как произошло то, что Иисус Христос распят, когда учение Его и дела должны были возбуждать к Нему благоговение? Как проходило судилище первосвященников над Спасителем?
2. Почему сказано, что он распят при Понтии Пилате? Почему Пилат предал Иисуса Христа на распятие? В чем заключается вина Пилата?
3. Для чего прибавлено в Символе, что Иисус Христос страдал? Что происходило в Гефсиманском саду? В чем заключались Его голгофские страдания?
4. Какие чудеса последовали за крестной смертью Господа?
5. Почему упомянуто, что Он погребен?
6. Как Иисус Христос мог страдать и умереть, будучи Богом?
7. В каком смысле сказано, что Иисус Христос распят за нас?
8. Каким образом крестная смерть Спасителя избавляет нас от греха, проклятия и смерти?
9. Как мы можем участвовать в страданиях и смерти Иисуса Христа?
10. Перескажите житие Антония Великого.